РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

НАЧАЛО РОССИИ

Русская история

Валерий Шамбаров

Начало России

«Алисторус»

2012

Шамбаров В. Е.

Начало России / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2012 — (Русская история)

Время создания Великой России было переломным моментом не только в отечественной, но и во всей мировой истории. В пожарищах междоусобиц скончалась некогда блестящая Киевская Русь. В агонии кровавой резни развалилась и корчилась великая степная империя, Золотая Орда. Мучительно умирала от собственных болезней самая культурная, самая славная империя Средневековья, Византия. И вдруг из общего хаоса, из месива беспомощных мелких княжеств стало подниматься нечто новое, совершенно иное. Россия. Могучая и мудрая, вобравшая в себя лучшее от всех трех предшественниц: Руси, Византии, Орды. Держава, ставшая их наследницей… Сшибались рати на Куликовом поле, обращались вспять полчища литовцев, поляков, крестоносцев. Разрастались города, расцветали дивными теремами, куполами храмов и маковками монастырей. Границы начали раздвигаться и на запад, и на восток, а герб московских государей, св. Георгий, пронзающий змия, дополнился византийским двуглавым орлом. Как произошли эти разительные перемены? Какие причины их вызвали? И почему на развалинах трех империй возвысился не Киев, не Сарай, не Константинополь, а маленькая, скромная Москва? Об этом рассказывает новая книга известного историка Валерия Шамбарова «Начало России».

© Шамбаров В. Е., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

От автора 5
1. Как угасала Византия 6
2. Как погибала Древняя Русь 12
3. Каким был мир в XIV столетии? 17
4. Черная смерть 23
5. Великий князь Иван II Красный 28
6. Как в Орде началась замятия 34
7. Св. Благоверный Великий князь Дмитрий Донской 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Начало России

Посвящаю моим родителям

От автора

История – жестокая наука. В ее скупых строчках засушиваются и спрессовываются реальные трагедии миллиардов людей. Иногда описания претендуют на беспристрастность, иногда бывают откровенно субъективными, но сами их масштабы в той или иной мере навязывают равнодушие. Рассказывается о падении государств, гибели городов, нашествиях, битвах. Наконец, просто о жизни предшествующих поколений. А ведь все эти события сплетены из бесчисленного множества человеческих судеб. Судеб тех, кто был такими же, как мы с вами, а зачастую гораздо лучше нас.

Они по-своему жили, страдали, любили, радовались. Они захлебывались кровью и исходили мучениями от ран, заходились последними криками в пожарищах, умирали и прощались с ближними в родных домах. Но разве повернется у кого-нибудь язык сказать, что наши далекие предки промелькнули на белом свете бесследно? Они молились, созидали, растили потомство. Они прошли земной путь так, как положил им Господь. Они сотворили такое, что нам с вами сотворить пока не под силу – великую и могучую Россию! Каким чудом она возникла? Какими подвигами и усилиями? И можно ли вообще оценить эти усилия и подвиги?

1. Как угасала Византия

Железные шеренги легионеров остервенело рубились друг с другом. Осыпали ругательствами, гремели ударами по щитам и шлемам. Кидались к упавшим, резали глотки раненым, обдирали донага мертвецов… Величайшая из мировых империй, Римская, издыхала. Она загнила заживо, утонула в алчности и лжи. Знать погрязла в извращениях и интригах, чернь бездельничала, требуя дармовых раздач еды, вина, денег, развлекалась популярными зрелищами: травлями зверей, гонками колесниц, боями гладиаторов. Солдаты вошли во вкус бунтовать, провозглашая своих императоров, чтобы получить соответствующие почести и награды.

Гражданские войны покатились непрерывно, мерзости становились нормой поведения. Через границы все чаще вторгались соседние племена. В общем хаосе выделялись лишь христиане. Они не предавали, не развратничали, не воровали. Любой честный и чистый душой человек мог найти подобных себе только в христианской общине. Язычники ненавидели христиан, слишком уж непохожих на них самих. Они выдержали 10 кампаний суровейших гонений, и тем не менее их число не сокращалось, а множилось. К вере потянулись и воины. Она оставалась единственным светлым ориентиром в отвратительной действительности…

Ее силу сумел оценить Константин Великий. В 312 г. в очередной усобице его соперником выступил Максенций, непримиримый враг христиан. Предание гласит, что Константин увидел небесное знамение – Крест и надпись «Сим победиши». Велел изобразить Крест на знамени и на щитах солдат, что определило исход битвы. Ведь и у него, и у Максенция многие легионеры уже были тайными христианами. После победы был издан Миланский эдикт, разрешавший христианам исповедовать свою веру, строить храмы. В 324 г. Константин провозгласил христианство единственной истинной религией, а язычество признал заблуждением.

Император отмежевался и от такой обузы, как разложившийся Рим. На месте городка Византий на проливе Босфор он заложил новую столицу, Константинополь. Из вельмож и сенаторов Константин взял сюда только тех, кого выбрал сам. Языческое богослужение в новом городе запретил. А самого императора посвятили в чин диакона, он получил право участвовать в церковных делах. Светская власть соединялась с духовной, получала могучую опору. Так родился Второй Рим. Константин как раз и замышлял сделать свою столицу Вторым Римом – сохранить лучшее от первого и отсечь худшее.

Но даже столь радикальные преобразования не смогли исцелить империю. Знать по-прежнему склочничала, чиновники хищничали. Завоеваний больше не было, и для содержания армии, аппарата управления, строительства городов увеличивались налоги. Державу сотрясали восстания. Связи между различными ее частями слабели. В 395 г. умер император Феодосий, и перессорившиеся временщики разорвали империю на две, Западную и Восточную. Западная продержалась недолго. Ее провинции захватили «варвары»: франки, англы, саксы, бургунды, алеманы, вандалы, готы устроили собственные королевства. В Риме заправляли командиры германских наемников, по своему усмотрению меняли императоров. Наконец, в 476 г. вождь ругов и герулов Одоакр низложил последнего императора Ромула-Августула, а сам стал королем Италии.

Восточная Римская империя тоже подверглась катастрофическим ударам, но уцелела. Это было уже другое государство. Основную часть его граждан составили греки, народы Малой Азии, Ближнего Востока. Официальным языком стал не латинский, а греческий. В литературе внедрилось и иное название, Византия. Хотя сами византийцы никогда так не называли свою родину. Империю гордо именовали Римской, а себя «ромеями» – римлянами [95]. Но Второй Рим оказался куда болеее жизнеспособным, чем первый. На востоке прочнее, чем на западе, утвердилось христианство, население в меньшей степени подверглось разложению.

Византия довольно быстро оправилась от бедствий, и в VI в. вступила в полосу нового расцвета. Константинополь превратился в самый большой и красивый город мира. Император Юстиниан даже замыслил восстановить былые римские границы. Его войска отобрали у «варваров» часть Испании, Северную Африку, Италию. Когда Европа погрузилась во мрак раннего Средневековья, одна лишь Византия осталась оазисом, сохранившим и донесшим до будущих поколений наследие античной цивилизации.

Она создала и собственную неповторимую культуру, христианскую. Здесь вырабатывались догматы веры, каноны богослужения, иконописи, архитектуры, рождались фундаментальные богословские труды. Константинополь был признанным центром мирового христианства, императоры и патриархи поддерживали Церковь в нищих западных странах, посылали священников, книги, утварь, деньги. Империя реорганизовала армию, ее флот господствовал на морях. В многовековой борьбе византийцы сокрушили могущественную соперницу, Персию. Отражали нашествия аваров, славян, стали камнем преткновения на пути арабских завоевателей.

Но мир вокруг менялся. Западные королевства постепенно набирали силу, а в Византии начали сказываться ее болезни. Некоторые она унаследовала от Рима – высокомерие и гордыню. «Ромеи» ставили себя неизмеримо выше всех прочих народов. Презирали «грубых варваров», легкомысленно предавали собственных союзников – стоит ли считаться с «дикарями»? Византийские аристократы, как и римские, рвались к власти и наживе, у победоносных военачальников кружились головы, хотелось большего. Заполыхали драки за престол.

Сказался и неоднородный состав империи. Итальянская знать завидовала своевольным феодалам в западных странах, владычество императора ее раздражало. А тон сепаратистам задавали римские первосвященники. Они числились подданными Византии, по духовному рангу были равны с патриархами – Александрийским, Антиохийским, Константинопольским, Иерусалимским. Из уважения к древней столице им предоставляли первенство в церковной иерархии, выделяли особым титулом «папа». Но их паствой были не только итальянцы, они окормляли христиан в государствах франков, бургундов, лангобардов, баварцев, ставили там епископов, имели церковные владения. Папы начали чувствовать себя независимо, конфликтовали с императорами.

Восточные провинции Византии поразила другая зараза. Из Персии сюда проникали ереси, соблазняли приграничных жителей, военных. В очередной гражданской войне победил Лев III Исавр – и оказалось, что сам император еретик. В 726 г. он развернул кампанию иконоборчества. Лев III и его сын Константин V Копроним взялись уничтожать святые иконы, мощи. Громили монастыри, на поборников Православия обрушились репрессии, затмившие гонения в языческом Риме. Их истязали, казнили, монахов и монахинь заставляли отречься от обетов и вступить в брак под страхом ослепления или смерти. Иконоборцев поддержали солдаты, столичная чернь. Для них открылась возможность пограбить, поиздеваться над жертвами.

Но ересь дала прекрасный повод отделиться Риму и итальянским владениям. Православных взяли под защиту и арабы, к ним потекли ученые, мастера, крестьяне. Греческие императоры бросали войска на погромы, на бунтующих подданных, а мусульмане одерживали успех за успехом, заняли Северную Африку, средиземноморские острова. Иконоборческие бесчинства сотрясали империю более ста лет. Сторонники истинной веры не сдались, самоотверженно сопротивлялись. Императрица св. Ирина сумела вернуть Церковь к христианским канонам, созвала VII Вселенский Собор, осудивший ересь. Ее свергли, уморили в темнице. Но другая императрица, св. Феодора, в 843 г. окончательно победила лжеучение, возродила Православие.

После этого греки пытались восстановить единство Церкви, ан не тут-то было… В Риме успели накопиться свои особенности. Папы вошли в роль лидеров «христианского мира», ставили собственную власть выше светской: поучали и регулировали королей, князей, герцогов. Особенно удачным получился альянс с королями франков. Они обязались оказывать Риму

военную помощь, а папы за это подарили им титул императоров Священной Римской империи. Впрочем, империя быстро развалилась, но титул сохранился, перешел к властителям Германии.

Церковь очень выгодно играла и на том, что оставалась в Европе единственным источником культуры. Короли, князья, вельможи – все были неграмотными. Епископы и аббаты занимали должности их советников, министров, превращались во влиятельных светских князей. Стараясь закрепить за собой монополию на грамотность, западные иерархи ввели правило: богослужения и богослужебная литература допускаются только на трех языках: латыни, греческом и еврейском. Попробуй-ка выучи! Чтобы выделить свое особое положение, духовенство даже изменило практику Причастия – Кровью и Плотью Христовыми, хлебом и вином, стали причащаться лишь священнослужители, а для мирян ограничивались хлебом, пресными облатками.

Хотя европейские богословы были куда менее компетентными, чем греческие. Например, при переводе на латынь Символа Веры в него по ошибке попало слово «filioque» – и получилось, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. В догматику вошла фольклорная байка, что не только Христос, но и Дева Мария родилась от непорочного зачатия. Изменилось и понимание церковной организации. Православная традиция подразумевает, что Церковь – сообщество всех христиан. Глава ее – Сам Христос, а какие-либо спорные вопросы решаются на Соборах. В латинском варианте главой Церкви стали представлять папу, объявили его «наместником Христа».

Воссоединяться с Восточной Церковью Рим не спешил. Требовал, чтобы императоры подчинялись папе наряду с западными монархами, а Константинопольская патриархия приняла латинские новшества. Переговоры ни к чему не привели, любые уступки оказывались недостаточными. Патриарх Фотий, выдающийся богослов, но и мудрый политик, сумел осознать, что вопрос этот отнюдь не духовный, а вполне земной. Что Запад – заведомый враг Византии, и попытки сближения обречены на провал.

Ну а коли так, Фотий начал бить оппонентов их собственным оружием. Доказал, что сами по себе претензии пап на верховную власть в мире, ограничение вероисповедения тремя языками и прочие нововведения являются ересью. А в противовес европейскому сообществу Фотий принялся создавать международную византийскую систему – через распространение Православия. Укреплял связи с церквями Грузии, Сирии, Армении. Св. братья Кирилл и Мефодий разработали славянскую азбуку, перевели Священное Писание. Православное крещение приняла Болгария, а потом и Русь.

Воскресли авторитет и слава Византии, ее поддерживали единоверцы, она успешно теснила мусульман. Перед ней снова заискивали чужеземцы. Даже римские папы склонили перед ней голову, просили ее покровительства. Но и греческая политика была отнюдь не бескорыстной. Императоры использовали церковные структуры и дружеские связи для коварного разрушения и подчинения соседних стран – так были завоеваны Болгария, Грузия, Абхазия, Армения. Византийская дипломатия и Константинопольская патриархия всячески старались подчинить своему влиянию и Русь, это приводило к неоднократным конфликтам [17].

Хотя величие империи во многом было уже призрачным. Группировки придворных олигархов грызлись за право посадить на престол своих марионеток и дорваться до кормушки. Цари проводили время в кутежах, распутстве, пустых забавах, не мешая приближенным разорять народ и разворовывать казну. Изыскивали новые источники доходов – вводили дополнительные поборы, прекратили финансировать и развалили армию. Видя такое дело, очередной поворот совершил Рим. Греки больше не могли оказать ему реальной помощи, имело ли смысл за них цепляться? Папа Лев IX нашел себе другую опору, разбойников-норманнов, а византийцев обвинил в «схизме», то бишь раскольничестве, неповиновении ему, папе. В 1054 г. латинская и греческая церкви окончательно разделились. А с востока появилась следующая

волна завоевателей, турки-сельджуки. В 1071 г. под Манцикертом они наголову разгромили императорское войско, заняли большую часть Малой Азии.

Позор всколыхнул военных, они забунтовали. В смутах одержал верх Алексей Комнин. Но вместо того, чтобы возрождать национальные силы, он взял курс на союз с Западом. Против пиратских нападений норманнов пригласил флот Венецианской республики, за это даровал ей право беспошлинной торговли по всей империи. Сельджуки больше не представляли серьезной опасности, их держава распалась на мелкие эмираты. Но Алексей паниковал, обратился к папе и европейским королям: «Империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками… я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения…» Призывал совместными силами выступить против мусульман, манил богатствами, церковными сокровищами.

Что ж, на такое приглашение европейцы охотно откликнулись. В 1096 г. папа Урбан II провозгласил крестовый поход. На восток хлынули потоки рыцарей. Нищие, оголтелые, безземельные – в Святой Земле надеялись набить карманы, отхватить имения. По дороге грабили греческие земли, легко разбили сельджуков, овладели Сирией и Палестиной. Но императору «освобожденные» провинции не вернули, выгнали его представителей и устроились на Ближнем Востоке полными хозяевами.

Как выяснилось, вопиющие ошибки Алексея Комнина не образумили его потомков. Его внук Мануил превзошел деда в увлечениях западничеством. Окружал себя иностранцами, в Константинополе распространились европейские моды, нравы, развлечения. Внедрялись и западные модели управления. Раньше наместники-архонты были всего лишь назначаемыми чиновниками, теперь они получали куда более широкие права, наподобие наследственных герцогов. Сбор налогов, как на западе, стали отдавать на откуп частным лицам. Они платили в казну наличными, а подати вытрясали сами, бессовестно обдирая людей. Кроме венецианцев, императоры запустили на свои рынки генуэзцев и пизанцев.

Внешне казалось, что Константинополь именно сейчас достиг вершины благосостояния. Гавань переполняли чужеземные суда. Состоятельные люди покупали импортные костюмы, диковинки, предметы роскоши. Вельможи-взяточники, иностранцы, нувориши спешили отгрохать дворцы, виллы, персональные церкви. Но провинция разорялась. Деревни пустели и забрасывались. Города приходили в упадок и заселялись инородцами. Дома и землю за бесценок скупали арабы, армяне, сирийцы, евреи. Греческое население правдами и неправдами перебиралось в столицу. Тут уровень жизни был совсем иным, и только тут можно было безбедно прокормиться на стройках, в порту, в услужении богачей, в преступной среде. Константинополь превратился в мегаполис-паразит, высасывающий соки из собственной страны.

Возмущение прорвалось бунтами. От Византии отпали Болгария, Сербия, Киликия, отделилась независимая Трапезундская империя. Архонты провинций больше не обращали внимания на царя, вели себя самостоятельными князьками. А в Константинополе утвердилась новая династия Ангелов, при них власть досталась откровенным проходимцам, должности и титулы «продавались, как овощи». Между тем, Запад так и не стал другом Византии. Крестовые походы в Палестину выдыхались – мусульмане опомнились, давали крепкий отпор. Но вожделенные богатства и земли имелись не только на Ближнем Востоке… Папа Иннокентий III и венецианский дож Дандоло организовали четвертый крестовый поход – на Константинополь.

Рыцарей было очень мало, всего 20 тыс. Но оказалось, что у греков больше нет ни армии, ни флота, адмиралы распродали налево корабли, строевой лес, парусину. В 1204 г. горстка крестоносцев без труда ворвалась в Константинополь. Город ограбили подчистую, людей обращали в рабов или выгоняли на все четыре стороны. Потом рыцари двинулись по провинциям. Распадающаяся беспомощная страна почти не оказывала сопротивления, и на месте Византийской возникла Латинская империя. Земли поделили между феодалами, жителей объявляли крепостными, от священников требовали перейти в католицизм, убивали или изгоняли.

Но в день падения Константинополя группа молодых аристократов избрала императором Феодора Ласкаря. Он бежал в Малую Азию. На пограничные окраины греческое правительство давно махнуло рукой, не предоставляло им никакой защиты от сельджукских набегов. Однако местное население научилось сплачиваться и обороняться само. Ласкаря сперва приняли неласково. Города не впускали его, наместники не желали подчиняться. Но следом наступали крестоносцы, и Феодор стал знаменем, вокруг которого собирались патриоты. Латинянам не позволяли закрепиться, отбросили назад…

В Малой Азии образовалась Никейская империя. Это было народное царство, Феодор опирался на простой народ – и побеждал всех врагов! Все худшее, продажное, прогнившее, оставалось в Латинской империи, искало, как бы выгоднее пристроиться к оккупантам. А в Никею стекались лучшие, честные, самоотверженные. Случилось невероятное. Обновленная держава достигла таких успехов, какие давно уже не снились Византии. Преемник Феодора Иоанн Ватаци провел реформы. На землях, конфискованных у изменников, создал крупные государственные хозяйства. Поддерживал крестьян, снизил налоги, лично контролировал чиновников. Предписал покупать отечественные, а не иностранные товары, и результат был потрясающим. Недавняя захудалая окраина Византии стала самой богатой страной Средиземноморья! Когда царю требовались расходы, мешками с золотом грузили караваны мулов.

Был построен мощный флот, границы прикрыли неприступными крепостями. Никейские войска очистили от крестоносцев Малую Азию, переправились в Европу, освободили Фракию и Македонию. Но… это был последний яркий взлет Второго Рима. «Народными царями» были крайне недовольна магнаты – при Ласкарях выдвигались не родовитые и богатые, а способные. В 1258 г. императора Феодора II отравили. Регентом при его 8-летнем сыне Иоанне стал глава заговорщиков Михаил Палеолог.

А в 1261 г. никейский отряд внезапным налетом отбил у крестоносцев Константинополь. Торжествами по случаю освобождения столицы Михаил попытался «подсластить» переворот. Ослепил и заточил мальчика Иоанна, провозгласил императором себя. Поднялась волна негодования, патриарх Арсений отлучил его от церкви, жители Малой Азии восстали. Но царь уже сформировал наемное войско и подавил мятеж жесточайшей резней. У руля государства опять очутились олигархи и жулики. Огромную казну, накопленную Ласкарями, транжирили на возрождение былой придворной мишуры. Вернулись худшие византийские пороки, амбиции, злоупотребления.

Михаил Палеолог снова взялся наводить дружбу с Западом. Разве что венецианцев теперь опасался, но широко открыл двери генуэзцам. Рядом с Константинополем они отгрохали собственный город, Галату, получили массу привилегий, не подчинялись греческим властям. Ради пущего взаимопонимания с Европой император решился пожертвовать и Православием. В 1274 г. была заключена Лионская уния с католиками. Итоги были плачевными. Папы и не думали помогать Византии, а западные короли не теряли надежды захватить ее. Зато Михаил поссорился с Болгарией и Сербией, да и его подданные отказывались изменять вере. Их сажали, казнили, на Афоне терзали и истребляли монахов.

Сын Михаила Андроник II пробовал исправить то, что натворил отец, расторг унию. Но выяснилось, что денег в казне больше нет. Разоренная страна не давала доходов. Пришлось расформировать флот, сокращать армию. Византия так и не смогла вернуть прежние владения. На Балканах пошла полная неразбериха. Греки, сербы, болгары, латинские бароны, итальянцы увязли в войнах друг с другом. Попытка унии и безобразия в Константинополе подорвали даже его церковный авторитет. Болгария провозгласила отдельную, Тырновскую патриархию. Сербия – еще одну, в Скопле. Причем афонские монастыри поддержали сербскую, а не Константинопольскую.

А в Малой Азии из осколков различных племен возникла новая общность – османы. В отличие от сельджуков, они строго поддерживали единство, дисциплину. Никакого «турецкого

завоевания» империи фактически не было. Османы просто заселяли земли, которые опустошили сами же византийцы в ходе подавления восстаний. Уцелевшие жители присоединялись к ним. От правительства они не видели ничего хорошего – ни безопасности, ни справедливости, с них только драли три шкуры. Турки же помогали своим, оберегали. Люди переходили в ислам и превращались в полноправных османов, община быстро росла. В Константинополе поначалу не оценили опасности. Наоборот, начали приглашать турок для участия в войнах. Они брали дешево, довольствовались добычей. Османские отряды под началом греческих полководцев все чаще появлялись на Балканах. Кто мог подумать, что их копыта печатают по дорогам приговор Второму Риму?

2. Как погибала Древняя Русь

Грекам приходилось не сладко, но в нашей стране дела обстояли еще хуже. Только в летописях и былинах жила еще память об эпохе Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого, когда Русь привольно раскинулась от Балтийского до Черного моря, и даже с Византией могла поспорить уровнем своей культуры, красотой городов, воинским могуществом. А уж европейские короли, нищие и невежественные, считали величайшей честью жениться на дочке или внучке киевских государей. Ни один враг не в силах был пошатнуть Русь, но и ее поразили внутренние болезни.

Диагноз был обычным для средневековых государств – феодальный распад. Графы и герцоги, войдя в силу, переставали повиноваться королям, задирались с соседями. Точно так же вели себя русские удельные князья. Бояре уподоблялись западным баронам. Вместо того, чтобы служить монарху, пытались диктовать ему свою волю. А Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, проявляли такие же стремления, как торговые города Италии или Германии – ни от кого не зависеть и грести барыши пожирнее.

Застило глаза честолюбие, благие помыслы глушила корысть. Распалившись враждой, князья забывали, кто свои, а кто чужие. Заключали против сородичей союзы с половцами, венграми, поляками, литовцами. Полыхали города и деревни, массы людей угонялись в неволю, и главный выигрыш во всех сварах доставался на долю работорговцев. Этот промысел держали в руках евреи. Их колонии угнездились в Крыму, Киеве, Константинополе, Средней Азии, Польше, скупали по дешевке пленных, бойко перепродавали по всему миру.

Русские начали разбегаться от этих кошмаров. Уходили на север, на Оку, в верховья Волги. Здешние края считались глухой окраиной, их даже не причисляли к Русской земле. Но тут можно было спокойно жить и трудиться, в лесах стучали топоры, вырастали города – им давали названия старых, принесенные с прежней родины: Переславль, Звенигород, Галич, Стародуб… Устроителем Северной Руси стал св. благоверный князь Андрей Боголюбский. Он сумел осознать: воевать за Киевское великое княжение бессмысленно, оно прогнило и погибает.

Андрей решил строить новую державу. Покровительницу он выбрал достойную, Саму Пресвятую Богородицу, вывез из южного Вышгорода чудотворную Владимирскую икону. На Клязьме росла новая столица, Владимир, ничуть не уступающая Киеву. Владимирская Русь быстро расцветала, умножалась людьми. Но Андрей Боголюбский шел против течения. Он созидал, укреплял власть государя, а нарастали силы противоположного свойства, разрушительные. Первый великий князь Владимирский был зверски убит боярами-заговорщиками.

Здоровое начало еще сумело взять верх. Младший брат св. Андрея, Всеволод Большое Гнездо, одолел всех противников. При нем Северная Русь достигла наивысшего подъема. Всеволод даже начал собирать под своей эгидой прочие русские княжества. Но его успехи оказались слишком непрочными. Едва он отошел в мир иной, Владимирская Русь вслед за Киевской раскололась драками. В битве на Липице полегло 9 тыс. воинов. За что? Да ни за что. Только лишь из-за того, что новгородцы не желали подчиняться владимирским государям, а другие князья завидовали им.

Между тем, на границах скапливались тучи. Усиливались литовцы. В Прибалтике высадились германские крестоносцы, Ливонский орден покорил латышей, эстонцев. На новгородские земли косились и шведы, и датчане. А на востоке, в неведомых глубинах степей, клубилась пыль под копытами монгольских туменов. Князья собрали огромное войско, 80 тыс. бойцов. Но это было феодальное ополчение, слепленное из недружных отрядов. На Калке 20 тыс. монголов вдребезги разнесли и истребили эту армию. Враги всего лишь разведывали дальние страны, они исчезли так же внезапно, как появились. Исчезли на 14 лет…

Господь недвусмысленно предупредил, к чему ведет разделение. Увы, даже страшный урок не пошел впрок. Временем, отпущенным для покаяния и исправления грехов, Русь не воспользовалась. В Поднепровье и Прикарпатье сразу же заполыхали войны за наследство князей, погибших на Калке. Новгород и Псков выгнали князя Ярослава Всеволодовича, вознамерились сражаться с ним – потому что он готовил поход на немцев, а новгородские и псковские бояре уже решили отделиться от Руси, вели тайные переговоры о вступлении в международный торговый и политический союз, Ганзу.

Великий князь Юрий II кое-как сумел образумить крамольников, вмешался в южные усобицы. В 1236 г. его брат Ярослав Всеволодович повел полки на Днепр. Но и последняя попытка объединить Русь провалилась. Объединяться она не желала, и было уже поздно. К русским границам двигались полчища Батыя… Захлебнулась в крови Рязань. Владимирские войска ушли на юг, и города, оставшиеся без защитников, чадили смрадными пожарами. Но распад Руси дошел до такой степени, что в других княжествах даже не задумывались о помощи собратьям. Какая там помощь! Соседей воспринимали как чужие государства, а татар представляли наподобие знакомых кочевников – печенегов, половцев. Придут, пограбят и уйдут. Вот и пускай пошерстят соперников.

Князья считали куда более важными разборки между собой! На севере поля устилались трупами, героически жертвовали собой жители Торжка и Козельска, а на юге по-прежнему рубились за Киев, за Галич, призывали венгров и поляков – не против татар, а друг против друга. Так и грызлись, пока не настала их очередь. Засуетились и западные хищники, обескровленная Русь выглядела легкой добычей! Папа Григорий IX провозгласил крестовый поход на русских. Поднимали паруса шведские эскадры, содрогалась земля под колоннами ливонских и датских рыцарей, а изменники с нетерпением ждали их, подбивали граждан отдаться чужеземцам.

От окончательной погибели страну спасли великий князь Ярослав Всеволодович, занявший престол убитого брата, св. Юрия, и сын государя св. Александр Невский. Вышвырнули литовцев, сокрушили крестоносные рати. На пепелищах воскресали города, восстанавливалось управление. Но Русь ждали новые испытания. Татары были отнюдь не похожи на ее давних степных соседей. Они были спаяны железной дисциплиной, законами Ясы Чингисхана, а в аппетитах не особо стеснялись. Поставили перед собой задачу ни больше ни меньше как покорить мир. Прокатившись по Европе губительными потоками, они вернулись в донские и волжские степи. Возникла гигантская империя со столицей в далеком Каракоруме. Западная ее часть получила название Золотой Орды, хан Батый повелел строить на Волге собственную столицу, Сарай. Русские князья получили повеление – отныне повиноваться хану и платить дань. В общем-то, выбор предстоял однозначный. Вступить в безнадежную схватку, положить последние боеспособные дружины, а западные державы приберут к рукам то, что уцелеет.

К подобному варианту подталкивали римские папы, присылали делегации, сулили щедрую помощь. Их посулами соблазнился князь Даниил Галицкий, принял от Рима корону короля Руси, договаривался о соединении церквей, поднялся на ордынцев. Но никакой поддержки от католиков не получил, потерпел поражение, его земли стали растаскивать поляки, венгры и литовцы. Ярослав Всеволодович и св. Александр Невский сделали противоположный выбор. Подчинились Орде. В это время на Руси стала популярной ветхозаветная история о Вавилонском пленении. Когда мера грехов Иудеи переполнилась, Господь отдал ее для вразумления чужеземцам. «Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: железное ярмо возложу на выю всех этих народов, чтобы они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому» (Иер. 28, 14) Библейские пророки убеждали своих властителей не противиться. Плен – кара от Бога, ее надо принимать со смирением. Лишь после того, как люди очистятся от грехов, Господь сменит гнев на милость [11].

Хотя именно с грехами дело не клеилось. Даже катастрофы и неволя не заставили Русь осознать свои ошибки. Св. Александр Невский стал последним великим князем, кому удавалось удерживать от развала хотя бы северную, Владимирскую землю. Когда он отошел в мир иной, страна окончательно рассыпалась на уделы. Князья спорили за клочки территорий, за власть, хватались за мечи. Нашли и более верный способ сводить счеты. Набирали побольше денег, дорогих мехов, и ехали склочничать в Сарай. Раздавали подарки и взятки, выпрашивали против соперников татарские рати.

Этими поездками князья сами же разоряли собственную казну, а ордынские отряды громили все, что лежало на пути. Им-то не было разницы, противники или союзники. В результате разорялись и проигравшие, и выигравшие. Еще одним бедствием стала татарская дань. Попробуй-ка собери ее с оскудевших подданных! А у князей до этого и руки не доходили. Они были заняты более важными вопросами – хлопотали в Орде за детей, судились с недругами. Подати собирали их бояре и слуги, половину разворовывали. Хан сердился, посылал взыскать недоимки «лютых послов» с воинами. Они грабили почем зря, набирали людей для продажи в рабство, и княжества приходили в упадок. Поля зарастали лебедой, торговля глохла, крестьяне уходили куда глаза глядят, потомки былинных богатырей разбойничали на дорогах.

И все-таки Господь не оставил Русь. Самый младший из сыновей св. Александра Невского, св. Даниил, получил при разделе отцовских владений захудалую Москву. В борьбе за первенство возвышались то Переславль, то Городец, то Тверь. А Даниил не стал ввязываться в усобицы. Засучив рукава, он взялся трудиться, налаживать хозяйство. Возникло крошечное, еще незаметное зернышко нового государства. И оно начало прорастать. В столкновении с рязанцами Москва присоединила Коломну и Лопасню, в разборке со смолянами – Можайск. Племянник св. Даниила, князь Иван Дмитриевич, умирая бездетным, завещал дяде Переславль…

Дети московского властителя Юрий и Иван Калита уже почувствовали себя настолько сильными, что могли поспорить с Тверью о великом княжении. Схватка была крайне упорной и безжалостной. Тверичи несколько раз осаждали Москву, опустошали окрестности, призывали татар, сговаривались с литовцами. Москвичи отвечали не менее яростными вторжениями. В результате взаимного озлобления погибали князья: св. Михаил Тверской, два его сына, внук, погиб и Юрий Московский. Но его брат Иван Калита продолжил отцовскую политику – кропотливо и основательно устраивал собственный удел. Князь был очень благочестивым, исправно посещал храмы, а его прозвище пошло от сумки-калиты, из которой он раздавал милостыню. В летописях отмечено его второе прозвище, Иван Добрый.

Тверские князья были очень недовольны митрополитом всея Руси св. Петром. Им хотелось видеть во главе Церкви собственного ставленника, который решал бы споры в их пользу. Но Калита неизменно поддерживал святителя на Поместных соборах, помог защититься от клеветы, одолеть ересь, проникшую в Новгород и Тверь. Между князем и св. Петром завязалась искренняя дружба. Митрополит все еще назывался Киевским, но Киев не оправился от разгрома, запустел. Хирел и Владимир – он переходил из рук в руки вместе с ярлыком на великое княжение, его нельзя было передать по наследству. Никто не считал нужным украшать и ремонтировать временную собственность. Св. Петр на старости лет обосновался в Москве.

Он не стал политическим сторонником Калиты. Наоборот, сделал князя своим учеником. Наставлял, что вражда ведет в тупик, зло порождает зло. Путь к возвышению совершенно иной. Москва должна стать духовным центром Руси. «И сам прославишься, и сыновья и внуки твои в роды, и град сей славен будет во всех градах русских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плеща враг его, и прославится Бог с ним». Надо угождать не людям, а Господу, и Он Сам вознаградит князя. Татарское иго не вечно. Исполнится чаша зла, и Бог отнимет силу у Орды. Отнимет так же, как когда-то отнял у Вавилонского царства. Но Его милость надо заслужить. Чем? Нет, не только покаянными молитвами. Властитель угождает

Богу правдой. «Искупи грехи свои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Даниил, 4, 20).

Святитель Петр одухотворил зернышко, созданное св. Даниилом Московским. А Калита был способным учеником обоих. В Кремле он начал строить целый комплекс красивых каменных храмов – Успенский и Архангельский соборы, церкви св. Иоанна Лествичника, Преображения Господня. Москва и впрямь превращалась в духовный центр, где могли бы жить и служить предстоятели Русской Церкви. Калита не пренебрегал и уроками св. Петра о княжеском долге. Приписка к Сийскому Евангелию рассказывает: «О сем бо князи великом Иване пророк Езекия глаголет: «В последнее время в опустевшии земли на запад встанет царь, правду любя и суд не по мзде судяй… При сем будет тишина велья по Русской земли и воссияет во дни его правда… Сирым в бедах помощник, вдовицы от насильник изымая, яко от уст львов…» Царь последних времен. Царь Правды. Именно такой идеал ставил перед собой московский государь [11].

И предсказания св. Петра чудесным образом сбывались. Правда и справедливость оказывались великой силой – к честному и рачительному правителю со всех сторон стекались люди. Боярам и воинам князь предоставлял службу, крестьянам и ремесленникам – землю, льготы, ссуды. А людьми богатели и укреплялись его владения. Ну а Тверь в поединке с Москвой надорвалась. Ее правитель великий князь Александр без толку расточил в Сарае казну, по уши влез в долги, вынужден был пустить в свое княжество мусульманских и еврейских ростовщиков. Они с лихвой возвращали затраты, обирали народ, обращали в неволю жен и детей. Мало того, выслуживаясь перед ханом, Александр согласился разместить у себя татарский корпус. Но население не вынесло бесчинств, восстало, и Тверскую землю выжгли ордынские каратели.

Великое княжение Владимирское хан Узбек сперва поделил между Калитой и Александром Суздальским, а позже целиком отдал Ивану Даниловичу. Вместе с титулом под его власть перешли и области, принадлежащие великому княжению – Владимир, Кострома, Новгород. Но расторопный московский государь сумел еще и «прикупить» несколько княжеств: Угличское, Белозерское, заволжское Галичское, половину Ростовского. Хотя термин «купля», употребляемый в летописях, был не совсем точным. Эти уделы обнищали, были не способны платить дань. Калита предложил Узбеку внести их долги, а взамен получил ярлыки на княжества. Их князья теряли самостоятельность, превращались в «подручных» Москвы.

Но жители присоединенных земель только выиграли. Иван Данилович принялся наводить там порядок – такой же, как в своих родовых владениях. Назначал добросовестных чиновников, строго контролировал их. Добился того, что было не под силу мелким властителям, очистил «Русскую землю от татей и разбойник». Московские дружины стали играть роль общих защитников населения. Калита пресек интриги, запретил подвластным князьям ездить в Орду, требовал вести дела с татарами только через Москву. Отладил и четкую систему сбора дани. В Сарай теперь регулярно отправлялись обозы и ладьи, нагруженные русской продукцией, серебром. Хан Узбек был доволен, он наконец-то нашел верного и толкового слугу.

Но даже это оказывалось в интересах… Руси. При справедливой раскладке и без воровства дань получалась немалой, но не разорительной. Зато прекратились наезды «лютых послов», карателей, угоны пленных. Летописцы отмечали: «Бысть оттоле тишина велика на 40 лет, и пересташа погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великия истомы, многия тягости и насилия татарского, и бысть оттоле тишина велика по всей земле». Сорок лет «тишины»! Русь оживала, наполнялась людьми. А одновременно утверждалось особое положение Москвы. Утверждалось в сознании народа. Можно ли было не уважать государя, давшего стране мир и правду? Утверждалось и в Орде. Когда жизнь Калиты подошла к концу, Узбек передал ярлык на великое княжение его сыну Семену Гордому.

Но и Господь показывал, что Москва идет по верному пути. После св. Петра здесь появились другие Божьи угодники. Дети обнищавшего ростовского боярина Стефан и Варфоломей

решили стать монахами, поселились в глухом лесу недалеко от Радонежа. Срубили келью, церквушку во имя Св. Троицы. Стефан не выдержал такой жизни, ушел в большой монастырь. Варфоломей остался один. Принял постриг с именем Сергия, питался от трудов своих, молился. О праведнике распространялась молва, к нему потянулись монахи. Св. Сергий был очень скромным, отказывался быть игуменом. Первым настоятелем новой обители стал старец Митрофан, постригший Сергия. А сам он старался жить тихо, избегать мирской суеты. Но за его скромностью и смирением уже чувствовалось иное величие, неземное, люди заговорили о св. Сергии Радонежском.

После долгих колебаний в Москву перебрался преемник св. Петра на митрополичьем престоле грек Феогност. Среди здешних священнослужителей он обратил внимание на св. Алексия. Это был сын боярина Федора Бяконта, крестник самого Калиты. Но юноша отказался от блестящей карьеры, в 15 лет удалился в монастырь. Изучал богословие, церковное право, свободно владел греческим языком, даже сделал с греческого собственный перевод Евангелия. А Феогност успел сжиться с русскими. На склоне лет он приходил к выводу – в Москве нужен русский митрополит. Он приблизил св. Алексия, назначил «судити церковные суды», поставил Владимирским епископом, оставлял своим наместником на время отъездов. В лишениях, невзгодах, под татарским неласковым владычеством, из обломков Владимирской Руси складывалась Московская. Но какой ей быть, еще оставалось неясным. Да и вообще, существовать или не существовать Руси на белом свете? Второй вариант казался более вероятным.

3. Каким был мир в XIV столетии?

На столах мешались липким комом фрукты и сласти, застывали жиром бараньи мослы, по бородам стекало вино. В дурманящем мареве гашиша, как в сонном наваждении, зудела музыка, перед осоловелыми глазами блестела потная нагота танцовщиц. Похотливо скалились мальчики, разносящие вино, и к ним тянулись нетерпеливые руки… Мусульманский мир расслабился, грезил не о подвигах, а о барышах и наслаждениях. Шумели базары, предлагая груды разнообразных товаров, деньги сулили любые удовольствия. Впрочем, Восток был еще достаточно энергичным, полным скрытых сил. Но он нахлебался отравы.

Сосудом, где скопились и забродили яды, стала древняя Персия. Она была очень веротерпимой страной. Приняла бежавших от римлян евреев, принимала христианских еретиков, гностиков, сохранялись и темные учения языческих жрецов. Все это варилось вместе, перемешивалось. Иудейские мудрецы перенимали вавилонские и египетские магические откровения, и возникла каббала, христианские ереси соединялись с манихейством. В VII в. на Персию двинулись арабы, насаждали мечами новую веру, ислам. Разнородные сектанты, спасаясь от них, выплеснулись во все стороны. Угнездились на Кавказе, в Средней Азии. В Хорезме они учинили революцию, принялись перестраивать государство по собственным принципам, казнили знать, отбирали имущество, обобществляли женщин – сестер, дочерей, жен. Благоразумные жители спаслись от смутьянов, призвав тех же арабов. Но еретики подались еще севернее, в Хазарию.

Здесь взяли верх иудеи-каббалисты, они были связаны с крупными купцами и ростовщиками, в низовьях Волги, на перекрестке торговых путей между Азией и Европой, вырос огромный город Итиль. Через него шли на запад караваны из Китая и Индии, перепродавались северные меха и балтийский янтарь. А основным товаром, который здешние купцы поставляли на мировые рынки, стали рабы. Хазария раскинула свои щупальцы на степные и кавказские племена, славян, финнов, выжимала из них соки. В 965 г. киевский князь Святослав Игоревич сокрушил ее. Пытался уничтожить под корень. Итиль и прочие города разрушил до основания. Остатки хазар попросились в подданство к шаху Хорезма. Он согласился, но поставил условие: принять ислам. Деваться было некуда, приняли – по крайней мере, для видимости. Но хазарские купцы восстановили и свой промысел. Спрос на невольников был немалый, а спрос рождает предложение. Центр работорговли переместился в Крым, под крылышко христианской Византии.

А на арабах завоевание Персии и Средней Азии сказалось не лучшим образом. Потомки воинов, мечтавших погибнуть во имя веры, входили во вкус роскоши. Вместо смерти в бою выбирали житейские радости, обзаводились богатыми домами, гаремами. Суровый халифат распался, перерождался томными и игривыми сказками «тысячи и одной ночи». Менялся и сам ислам. В нем множились свои секты. Стали популярными суфийские учения. Их признавали мусульманскими, не запрещали, но они вобрали в себя тайные премудрости, существовавшие задолго до ислама. Вера расплывалась. Ее основы толковали как нечто условное. Снимались запреты на вино, торжествовали извращения. А вместе с тем слабели и арабы.

В XI в. нахлынули сельджуки, сметали в сражениях всех противников. Но и они потянулись к удобствам, удовольствиям. Рядом с султанами и эмирами появились купцы-советники, готовые подсказать, как им правильнее жить и властвовать. В XIII в. остатки сельджукской державы захватили монголы. Под ударами Чингисхана пало Хорезмийское царство в Средней Азии. Однако хорезмийские купцы не пострадали. Напротив, их права в монгольской империи строго охранялись, они могли свободно путешествовать и торговать под защитой властителей.

Потомки Чингисхана поделили завоеванные земли. Средняя Азия досталась Джагатаю и его детям, Персия и Ирак – Хулагу. Их полководцев и воинов постигла та же участь, они

приспосабливались к местным обычаям, примеряли на себя прелести «тысячи и одной ночи». А западна часть монгольской империи отошла к роду старшего сына Чингисхана, Джучи. Глава этого рода, Батый, выделил братьям Синюю орду у Аральского моря, Белую Орду в нынешнем Казахстане и Сибири. Для себя предназначил Золотую орду. Она была и впрямь золотой. Собирала дань с Руси, с Камской Болгарии, поволжских народов, под властью Батыя остался и богатый Хорезм, а город Сарай строился в тех же местах, где когда-то стоял Итиль, на «перекрестке» Волги, Дона, караванных дорог из Китая.

На запах поживы быстро слетелись хорезмийские купцы – потомки хазар, смесь иудеев с мусульманскими сектантами. В летописях они частенько упоминаются вместе, «бесермены и жиды». По сути, возрождалась Хазария в обновленном формате. Ордынские толстосумы нашли ходы и выходы при дворе, сделали ставку на ханского брата Берке. Он принял ислам, хорезмийцам было удобнее договариваться с мусульманином, втягивать его в «восточный» образ жизни. Наследник Батыя Сартак, благоволивший к русским, в 1256 г. был отравлен. Трон захватил Берке.

При этом Золотая Орда отделилась от монгольской империи, но купцам империя не требовалась, их занимали лишь собственные прибыли. А новый хан вполне их удовлетворял. Ему давали деньги на строительство дворцов, мечетей, давали на войну с родственником, ханом Хулагу. Чтобы расплатиться, предложили простой способ – отдать кредиторам на откуп сбор дани. «Бесермены и жиды» появились в русских городах. «У кого денег нет, у того дитя возьмут, у кого дитяти нет, у того жену возьмут, у кого жены-то нет, того самого головой возьмут». Народ, доведенный до крайности, взялся за колья и дубины. В Ярославле, Владимире, Суздале, Ростове, Костроме, Устюге горожане восстали, перебили откупщиков. Св. Александр Невский каким-то чудом сумел смягчить гнев хана. Доказал, что хищники сами виноваты, разоряя подданных Берке. Уговорил больше не посылать откупщиков, поручить сбор дани князьям.

Но купеческая группировка сохраняла в Сарае огромное влияние. Когда хан Тохта пошел ей наперекор, его быстро отправили на тот свет [100]. На престол возвели его сына Узбека. Он провозгласил ислам государственной религией, предал смерти вельмож, отказавшихся принять ее. Хотя это был вопрос не духовный, а политический. Исповедание властителя открывало его подданным дороги на рынки Востока. На самом-то деле принципиальностью в вере Узбек не отличался. У русских он Православия не задевал, права церкви не ущемлял. А купцы настроили его подружиться с католиками. Узбек переписывался с римским папой, в Сарае в его правление возвели больше десятка латинских костелов и монастырей [50].

Чаяния торгашей Узбек оправдывал как нельзя лучше. Он несколько раз повышал дань с Руси, по малейшему поводу бросал на нее войска – живого товара приводили более чем достаточно. Правда, пленников требовалось перевозить на большие расстояния. Пешком через пустыни и горы не поведешь, истощают и перемрут, а флота у ордынцев не было. Но у них нашлись полезные партнеры, как раз католики. Венецианцы устроили свои колонии в Тане (Азове), Сугдее (Судаке), генуэзцы в Херсонесе и Кафе (Феодосии). Это были весьма могущественные республики. Венеции принадлежали Кипр и Крит, Генуе – Корсика, те и другие прибрали к рукам ряд греческих городов и островов.

Хотя представлять черноморские города итальянскими было бы ошибкой. Гости из Италии пришли на готовое. Под их покровительство перешли и переплелись с ними семейства, торговавшие здесь испокон веков. Достаточно отметить, что правитель венецианских колоний носил титул «консул Хазарии», а для управления генуэзскими колониями был создан особый орган «Оффициум Хазарие» [95]. Зато корабли были итальянскими, бойко развозили невольников в Сирию, Африку, в саму Италию. Великий гуманист Петрарка писал, что у него «сердце радуется» от огромного изобилия русских рабов – дескать, всюду слышна их речь.

Западный мир пока еще не представлял серьезной опасности для мусульманских стран. Европа выглядела рассыпанной мозаикой из сотен королевств, герцогств, княжеств. Первая

попытка объединить ее силы для широких завоеваний, крестовые походы, завершилась плачевно. Почти два столетия потоки добровольцев текли в Палестину. Под эгидой Ватикана были созданы особые ордена – тамплиеров, иоаннитов, Тевтонский орден. Вступая в них, рыцари давали монашеские обеты безбрачия, нестяжания, но должны были служить Богу и папе оружием.

Однако жителей Сирии и Палестины оттолкнули зверская жестокость и алчность европейцев – при взятии Иерусалима крестоносцы истребили всех горожан, после побед тысячами истребляли пленных. Восточные властители сорганизовались, громили захватчиков. Пришлось убираться восвояси. Крестоносцы искали пристанища, где придется. Тамплиеров приняли короли Франции, иоанниты отхватили у византийцев остров Родос и Смирну, занялись пиратством. Тевтонский орден пригласили к себе поляки. Он истребил и поработил племена пруссов, обосновался в Пруссии.

Но кое-кому крестоносная эпопея принесла сплошной выигрыш – все тем же венецианцам и генуэзцам. Они подсуетились обслуживать морские коммуникации. Рыцари разных стран погибали в боях, умирали от болезней и тяжелого климата, а львиная доля их добычи досталась итальянцам. После того, как крестоносцев выгнали с Ближнего Востока, Венеция и Генуя взялись наводить контакты с победителями, мамлюкскими султанами Египта и Сирии.

Именно здесь, в Египте и Сирии, располагались главные работорговые рынки. Сюда же шли караванные трассы из Китая, Персии, Индии, привозили шелк и пряности. Они стоили чрезвычайно дорого. У нечистоплотных европейцев шелковая одежда была единственным средством уберечься от вшей и блох, а без пряностей при тогдашних технологиях было невозможно заготовить впрок мясо. На столь важном перекрестке набрали вес такие же торгаши, как в Крыму и Сарае. Стоит ли удивляться, что итальянцы нашли с ними общий язык? Мусульмане разрешили венецианцам и генуэзцам строить фактории, и корабли заскользили по сверхприбыльному треугольнику. Везли в Египет русских рабов, меха, платили ими за восточные товары, а на западе продавали за золото…

В европейской политике долгое время лидировала Германская империя. В ее состав входили Чехия, Венгрия, часть Италии. Но империя была рыхлой, ее части жили сами по себе, а титул императора можно было получить только в Риме. Германские властители придавали этому чрезвычайное значение, каждый из них считал долгом совершить поход в Италию и короноваться. Итальянцы возненавидели немцев за их вторжения. Едва императоры удалялись, отрекались от них, убивали или выгоняли их ставленников. Германские монархи, увязнув в итальянских проблемах, совсем запустили дела у себя дома. Для войн за вожделенный титул им требовалась поддержка феодалов, и короли заигрывали с ними, предоставляли большие права [42].

Результат был удручающий. Вассалы совершенно разболтались, с верховной властью никто не считался, рыцари и бароны занялись откровенным бандитизмом. Рудольфу Габсбургу пришлось вести напряженную войну с собственными подданными. Феодалов он усмирил, разрушил 156 разбойничьих замков. Но как только в Германии удалось навести относительный порядок, ее властители нацелились все туда же – утвердить господство над Римом. На это транжирились все силы и средства. А римские папы были совсем не в восторге, что им на голову сваливается то один, то другой император с армиями, заставляет плясать под свою дудку.

Сражаться с немцами у пап была кишка тонка, и они приноровились обращаться за защитой к Франции. Эта страна была гораздо меньше современной. Прованс и Наварра были отдельными королевствами, Бургундия, Нормандия, Бретань, Аквитания, Бурбон, Анжу, Гасконь – почти самостоятельными герцогствами. Но в Германии княжества и города тоже вели себя независимо, а французские короли кое-чего добились. Отобрали у англичан Нормандию, династическими браками пристегнули Бургундию. В общем, были в состоянии противодействовать императорам.

И все-таки между Парижем и Римом пробежала кошка. Орден тамплиеров вывез с Востока сказочные сокровища и занялся ростовщичеством. Широко развернулся во Франции, ссужал деньги аристократам по всей Европе. Однако тамплиеры (храмовники) привезли с собой не только ценности. Они увлеклись и оккультными учениями. Их орден создавался для защиты Храма Гроба Господня, но под «храмом» стали понимать некие тайные знания, способные обеспечить власть над миром. Рыцари скатились до сатанизма, служили «черные мессы», приносили человеческие жертвы. Конечно, это совершалось в тайне, и все-таки слухи о страшных обрядах просачивались, дошли до короля Филиппа IV Красивого.

Но тамплиеров не позволял трогать папа Бенедикт VIII. Он и сам был не простой фигурой. За ним стояли некие могущественные теневые круги в католической церкви. Своего предшественника Целестина, пытавшегося вести праведную монашескую жизнь, он заставил отречься и уморил в застенке. Позже выяснилось, что папа тоже занимался черной магией. Но Филиппу Красивому он слал распоряжения, как своему подчиненному. Указывал, что единственная законная власть на земле принадлежит «наместнику Христа». Королю его вмешательства во французские дела совсем не понравились, хозяин он или не хозяин в своем королевстве? Разругались, и Филипп послал папу подальше. Начал сам назначать во Франции епископов, собирать церковные подати.

Бенедикт разразился гневными посланиями – король в ответ конфисковал его владения. Папа раскипятился, намеревался отлучить его от церкви, но не успел. Филипп действовал оперативно, направил в Рим отряд и арестовал его, обвинив в чернокнижии. Подобное решение стало для Бенедикта таким шоком, что он помер. Король как ни в чем не бывало разыграл выборы и провел в папы француза Климента V. Этот не спорил, слушался, поселился не в Риме, а в Авиньоне. Тут-то взялись за тамплиеров. Магистр и прочие их начальники были осуждены и сожжены, в 1313 г. орден упразднили, а его богатства изрядно пополнили французскую казну.

Следствие раскопало связи тамплиеров, они вели к еврейским купцам и ростовщикам. Их принялись крепко трясти. Одних посадили по тюрьмам, других высылали из Франции. Но нити расследования привели и ко двору, в семью короля! Выяснилось, что в темных оргиях участвовали невестки Филиппа, придворные. Он страшно разгневался. Жен своих сыновей до конца изобличать не стал, им приписали всего лишь прелюбодеяние и упрятали в темницу. Других виновных покарали страшно. С рыцарей, грешивших с невестками на этих сборищах, заживо содрали кожу и четвертовали. Десятки придворных дам, слуг и горничных перевешали, уличили в колдовстве и сожгли одного из епископов. Но кампания по оздоровлению страны быстро оборвалась. В 1314 г. в возрасте 46 лет Филипп внезапно скончался. Говорили о «проклятии тамплиеров», называли и более прозаическую причину – яд.

А Франция приобрела множество врагов. Итальянцы и немцы возмутились, что она перехватила «святой престол», назвали случившееся «Авиньонским пленением» пап. Император Людвиг Баварский не преминул явиться в Рим с войсками и организовал выборы антипапы Николая V. Не остались в стороне разбежавшиеся сектанты с иудеями, настраивали кого могли против обидчиков. Поначалу французов не удавалось поссорить лишь с Англией. Она была больше нынешней. Шотландия оставалась самостоятельным королевством, зато британцам принадлежали обширные области на континенте: Аквитания, Гасконь, Гиень. Английские короли издавна воевали с французами, но утратили ряд провинций, и Эдуард II пришел к выводу – вражду пора прекращать. Посватался к дочке Филиппа Красивого Изабелле. Французский властитель одобрил его намерения, отвалил поистине королевское приданое, провинцию Анжу. У супругов родился сыночек. Ну как было не радоваться?

Хотя зачатие наследника стало для Эдуарда II лишь государственной обязанностью. Он был по уши влюблен в своего молочного брата Пирса Гейвстона, подарил ему графство Корнуолл, а в порыве особенно жаркой страсти даже назначил регентом Англии. Такой расточи-

тельный роман вызвал негодование английских баронов. Они бунтовали, дважды заставляли Эдуарда удалить любовника. Но король опять возвращал его. В третий раз бароны бунтовать не стали, просто зарезали Гейвстона. Что ж, Эдуард нашел других фаворитов. А расположение знати он надумал заслужить победами, покорить Шотландию. Вышло еще хуже. Шотландский король Роберт Брюс всыпал ему так, что мало не покажется. Пришлось отдавать ему свои земли. Бароны возмутились пуще прежнего.

Король сумел подавить мятеж, возглавлявший его Мортимер бежал во Францию. Там правили сыновья Филиппа Красивого. Решительностью и способностями отца они не обладали, отдали все дела приближенным. Те не обижали себя, быстро растащили казну, за взятки возвратили прежние льготы евреям. Братья-короли вели, скажем так, нездоровый образ жизни, и подолгу на престоле не задерживались. Людовика Сварливого сменил Филипп V, его – Карл IV. В один прекрасный день к нему в гости прикатила сестра, английская королева Изабелла – злая на мужа, неудовлетворенная. Встретила эмигранта Мортимера и постаралась наверстать недостаток мужской ласки за годы супружества.

Попутно они обсудили, что вся Англия недовольна королем, и решили попытать счастья. Изабелла попросила у брата солдат и денег, соглашалась на любые обязательства. Карлу IV это показалось заманчивым. Ударили по рукам. В 1326 г. королева и ее кавалер высадились в Британии, свергли Эдуарда II. Жена дала полную волю накопившейся ненависти, придумала для него особый способ умерщвления. В тюрьме королю засунули раскаленный штырь в то самое место, которым он грешил. Корону возложили на ребенка Эдуарда III, а Мортимер и Изабелла начали править от его имени. С Карлом IV пришлось расплачиваться за помощь, ему вернули графство Анжу, отстегнули огромную по тем временам сумму, 50 тыс. марок, и даже признали, что английский король в качестве правителя Аквитании и Гаскони является вассалом французского.

Но это показалось оскорбительным английским феодалам. Они получали взрослеющего Эдуарда III – надо бы разобраться с чужеземными ставленниками и убийцами отца. Когда королю исполнилось 16 лет, он показал зубы. Мортимера повесил, заточил мать. Для воинственной знати он проявил себя вполне подходящим королем. Поколотил шотландцев, отбил потерянные территории. А во Франции умер Карл IV Сыновей у него не было, и корону захватил его двоюродный брат Филипп Валуа.

Но Эдуард III приходился более близким родственником покойному Карлу IV, племянником. Он расторг договор о вассальной зависимости, подписанный матерью. Валуа обиделся, отобрал его французские владения. А горячий Эдуард объявил себя королем и Англии, и Франции. Переправился на континент с войсками, началась Столетняя война. Его действия выглядели дерзким мальчишеством. Франция выставила многочисленную рыцарскую конницу, наняла лучших в Европе солдат, генуэзскую пехоту. У британцев рыцарство было куда жиже, пехотинцев Эдуард навербовал из крестьян. Избегал сражений, маневрировал.

Фанцузы наоборот, рвались к решающей битве, в 1346 г. окружили неприятеля у Креси. Но арбалеты генуэзцев слишком медленно перезаряжались, а Англия в ту эпоху была покрыта лесами, ее жители отлично владели луками. Арбалетчиков засыпали стрелами. Французские аристократы понеслись в конную атаку и уткнулись в ямы, вырытые на их пути крестьянами-солдатами. Впервые подало голос огнестрельное оружие, бабахнули английские пушечки-бомбарды, перепугав коней. Летели меткие стрелы, и французское воинство превратилось в мешанину, задние спотыкались о передних. А англичане кинулись добивать упавших рыцарей обычными ножами. Разгром был ошеломляющий. Эдуарду стали сдаваться города, целые герцогства…

Неспокойно было и в остальных европейских странах. На Пиренейском полуострове равнины занимали мусульманские эмираты, а в горах удержались мелкие христианские государства – Португалия, Кастилия, Леон, Арагон, Валенсия, Каталония, Галисия, Барселона. Между

ними шли постоянные войны. Помаленьку государства укрупнялись. Кастилия объединилась с Леоном, Арагон с Каталонией. В борьбе с мусульманами первых успехов добились португальцы. Чтобы закрепить земли за собой, король Альфонс II Толстый приказал убивать всех взрослых мужчин, а женщин и детей изгонять вон. Но, сколотив более-менее заметное королевство, португальцы полезли на христианских соседей. Кастилия, отбиваясь от них, предпочла заключить союз с мусульманами, и «освобождение» Испании заглохло.

Звенели мечи и на востоке Европы. Оказалось, что поляки весьма опрометчиво зазвали к себе Тевтонский орден. Освоив Пруссию, он присматривался, чем бы еще поживиться. Начал нападать на Польшу, в 1330 г. отобрал у нее Померанию. А пока католики дрались между собой, рядом разрасталась языческая держава, Литва. Ее тоже раздирали усобицы, племенные князьки отчаянно соперничали. Победителем стал военачальник Гедимин. Сперва он помог князю Витеню одолеть противников и усмирить родовую знать, а потом убил Витеня и занял его место.

Литва в полной мере воспользовалась распадом Руси и нашествием татар, подминала разрозненные княжества. Шаг за шагом поглотила Полоцк, Витебск, Минск, Туров, Пинск, Волынь, Киев. В 1341 г. Гедимин отошел к праотцам. Шестеро его сыновей не отличались братской любовью, сцепились за власть. Верх взяли двое из них, Ольгерд и Кейстут. Они поделили сферы влияния. Кейстут, получил западную часть страны, водил полки на немцев и поляков. Старший, Ольгерд взял себе восточное направление. Дальнейшие планы он обозначил весьма откровенно, приняв титул великого князя Литовского и Русского.

4. Черная смерть

Русь оказалась зажатой между двумя могучими хищниками. Один был обожравшимся и дряхлеющим, Орда. Второй – энергичным и ненасытным, Литва. Но обе державы опасались друг друга, избегали большой войны. Это равновесие позволяло русским существовать в относительной безопасности. Впрочем, Руси как таковой в середине XIV в. не было. На ее просторах распластался лишь труп Руси. Даже титул великого князя обесценился. Его начали примерять те правители, кто считал себя независимым от Москвы. Появились тверские, рязанские, смоленские великие князья. Черниговское княжество, некогда большое и сильное, распалось на мелкие части – Карачевское, Белевское, Воротынское, Козельское, Елецкое, Курское, Новосильское и др. В южных осколках, Курском, Липецком, Путивльском, хозяйничали ордынские баскаки, совершенно не считались со слабенькими князьями.

В Козельске князя Андрея Мстиславича убил его племянник, решил сам завладеть крошечным княжеством. В захиревшем Муроме нашелся деятельный князь Юрий Ярославич, взялся заново отстраивать, заселять город. Но для этого понадобилось увеличивать подати, снаряжать население на работы. Люди зароптали. А родственник Юрия Федор Глебович воспользовался, сговорился с боярами и изгнал князя. Поехал в Орду и попросил утвердить Муром за ним. Юрий отправился туда же жаловаться, но Федор не забыл взять с собой его казну, раздал взятки и выиграл в ханском суде. Юрия выдали победителю, он закончил дни в темнице.

Рязанский князь Иван Коротопол, возвращаясь из Орды, встретил племянника Александра Пронского, который вез хану дань. Иван разгневался. Так же, как московский государь, он запрещал подданным ездить в Сарай. Схватил Александра, притащил в свою столицу Переяславль-Рязанский (ныне Рязань) и предал смерти. Возмутился сын убитого, Ярослав Пронский. Обратился к хану, и властитель Орды согласился, что Коротопол совершил явное злодеяние. Дал Ярославу ярлык на Рязанское княжество и войско. Оно нагрянуло в Переяславль-Рязанский, убийцу поймали и казнили. Но татары «восстанавливая справедливость», разграбили город подчистую, угнали жителей. Ярослав даже не смог княжить в Переяславле-Рязанском, поселился в городке Ростиславле. А подданные возненавидели его за то, что привел татар. У Коротопола остался малолетний сынишка Олег, бояре объявили его законным князем, народ поддержал. Ярослав был свергнут и погиб.

Уж казалось бы, насколько круто досталось тверскому дому! Жуткую смерть в Орде приняли четыре князя: Михаил Тверской, его сыновья Дмитрий и Александр, внук Федор. Но их потомки сцепились друг с другом. Главные города княжества, Тверь и Кашин, получили младшие сыновья Михаила Тверского, Константин и Василий. А у казненного Александра осталась вдова Настасья, настраивала четверых детей против дядей, внушала, что Тверь должна принадлежать им. Старший из них, Всеволод Холмский отправился к хану судиться. Кончился суд печально, пожилой дядя Константин Михайлович не вынес нервотрепок и умер. Хан вручил ярлык племяннику.

В отсутствие Константина Тверью правил второй дядя, тихий и миролюбивый Василий Кашинский. Он собрал дань и тоже покатил в Сарай. В татарском городке Бездеже победивший Всеволод столкнулся с ним и вдосталь позабавился. Ограбил до нитки и отпустил в одном исподнем. Хорошо знал, что в Орде с пустыми руками делать нечего, вот и пускай идет. А сам явился в Тверь, занял престол. Скандал получился слишком уж вопиющим. По русским законам княжение передавалось старшему в роду – от брата к брату, а уж потом сыновьям. А тут молокосос осрамил главу рода! Вмешались Церковь и московский государь. Нажали на Всеволода, кое-как уломали уступить Тверь Василию Кашинскому, взамен он дал земельные

компенсации. Но Настасья и ее сыновья принялись шуметь, что Василий отстегнул слишком мало, притесняет родню.

В Пскове были другие проблемы, его замучили немцы. Если не весь Ливонский орден, то отдельные епископы, города или просто банды рыцарей с эстонцами и латышами наведывались на русскую территорию пожечь деревни, нагрузить возы барахлом, угнать крестьян и скотину. Война, по сути, не прекращалась. Псковичи привыкли поближе держать оружие, жили от тревоги до тревоги.

Новгородская земля была самой обширной и богатой на Руси. Она простиралась до Ледовитого океана и Уральских гор. Новгород собирал дань с племен северной тайги и тундры, был крупным центром международной торговли. Немецкие купцы имели здесь свои подворья, привозили заморскую продукцию, а вывозили льняные ткани, мед, воск. Этот товар был особенно ценным: во всем мире для освещения пользовались свечами, сальными или масляными светильниками. Восковые свечи были лучшими, не коптили, в странах Запада и Средиземноморья они стоили очень дорого.

Но Новгород издревле имел особые законы. Князья здесь лишь исполняли обязанности военачальников и судей. Новгородцы сами выбирали правителей-посадников, даже архиепископов. Впрочем, представление о здешнем «народовластии» зачастую бытуют искаженные. На самом деле в Новгороде народовластия и в помине не было. Прочие его города считались «пригородами». Они никакими правами не обладали, обязаны были выполнять то, что решат в Новгороде, и платить подати. Но и высший орган новгородской власти, вече, был собранием далеко не всех горожан. Археологами найдена вечевая площадь, она вмещала не более 500 человек [72]. Политику определяли бояре, 300 «золотых поясов», а с ними заседали «мужики-вечевики», выборные от городских концов и улиц.

Поборы и повинности перелагались на простонародье. Защититься от обид могли только те, кто имел сильных покровителей – в администрации и судах заседали те же бояре и их доверенные. В XII в. часть новгородцев, доведенная до отчаяния, вообще бросила родину, ушла в дальние края и основала новую республику, Вятку. В XIII в. отделился Устюг. Но и в Новгороде правящая каста не была единой. «Золотые пояса» делились на партии, кипела борьба за власть. С боярами были связаны общины купцов, ремесленников, олигархи прикармливали полезных горлопанов. Не так уж редко между городскими концами происходили побоища. Проламывали головы кольями, секлись мечами, скидывали противников в Волхов с камнями на шее.

Среди русского разброда самым благополучным островом выглядели те области, которые сплотила вокруг себя Москва. Очень небольшим островом. Хан Джанибек, сменивший Узбека, благоволил к московскому государю, не обременял излишними поборами. Неприятели и каратели не вторгались, деревни не горели. Люди на себе ощущали – жить под рукой московского великого князя удобнее и безопаснее, чем цепляться за какую-то самостоятельность. Симеон Гордый уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы произносить перед удельными князьями весьма смелые речи.

Втолковывал им: когда Русь была единой, никто на нее «не смеяше дерзнути, но вси покоряхуся и дани даяху». А когда князья перессорились, «наидоша татары» и овладели страной. «И ныне князей убивают, люди, всегда пленяюще, ведут в басурманство». Чтобы восстановить величие государства, требовал повиноваться, решать все споры только через великого князя. Если же кто-то начнет усобицу, позовет татар или будет искать суда у них, на того «нам быти заедин». Словами Семен Иванович не ограничивался. Совершенствовалось войско. Князья и бояре содержали отряды профессиональных дружинников (их еще называли отроками). Вдобавок к ним государь возродил систему, существовавшую во Владимирской Руси, в городах создавались пешие полки. На складах запасалось оружие, по призыву вставали в строй ратники-ополченцы.

Но и в Москве жизнь была отнюдь не безоблачной. Постоянной головной болью был Новгород. Обходиться без великого князя он не мог. Слишком близко стоял от границ, слишком уж косились на его богатства западные соседи. Однако «золотые пояса» вспоминали о подданстве только тогда, когда им требовалась помощь против немцев или шведов. А едва опасность исчезала, принимались качать «исконные» права, норовили пригласить к себе какого-нибудь князя послабее или вообще литовца. Чтобы и оборону им налаживал, и на власть не претендовал, был обычным наемником на службе Новгорода.

Особенно цепко олигархи держались за кошельки. Церковные выплаты митрополиту и дань великому князю воспринимались крайне болезненно. Новгородские бояре упрямо спорили, норовили уклониться от уплаты. Не останавливались перед войнами, возбуждали сограждан «постоять за Святую Софию», то бишь, за неприкосновенность их барышей. Любители наживы появились и среди бедноты, была бы удаль да сноровка. На лодках-ушкуях выбирались на большие реки, потрошили купцов, громили свои же, русские города, а пленных продавали на татарских базарах. Ушкуйники привозили в Новгород солидную добычу, и правительство покрывало их. И Калите, и Семену Гордому пришлось организовывать военные походы для вразумления своевольной республики. «Золотые пояса» шли на попятную, с них взимали штрафы и контрибуции. Но проходило какое-то время, и все повторялось.

Впрочем, боярство начало заноситься и в самой Москве. Оно складывалось при св. Данииле и Калите. К ним на службу перебиралась киевская, черниговская, смоленская, тверская знать. Князья возвышали достойных, жаловали землями, деревнями. Бояре набирали вес, а их дети уже пытались выступать самостоятельной силой. Например, Протасий Вельяминов был ближним боярином Калиты, московским тысяцким. Это была первостепенная должность – столичный градоначальник и судья, он представлял перед великим князем всех москвичей, руководил ополчением. После Протасия тысяцким стал его сын Василий, ходил первым советником у Семена Гордого, даже породнился с великим князем. В 1345 г. на его дочери Александре женился брат Семена Иван Красный.

На столь выгодной должности Вельяминов близко сошелся с ордынскими и генуэзскими купцами, участвовал в их делах, предоставлял льготы. Они тоже не обижали высокопоставленного партнера, в кубышку тысяцкого текли золотые ручейки. Правда, страдали русские купцы, но кто посмеет спорить с самим тысяцким, государевым родственником? Василий начал считать себя чуть ли не вторым великим князем, распоряжался на Москве единолично. Завершая земную жизнь, передал свой пост и полезные связи старшему из детей, Василию Васильевичу.

Но до Семена Гордого дошли жалобы на махинации Вельяминовых, да и их амбиции раздражали великого князя. Он показал семейству, что должность тысяцкого отнюдь не наследственная, передал ее Алексею Босоволкову по прозвищу Хвост. Не тут-то было! У нового доверенного боярина нашлось множество врагов, подмечали каждое его прегрешение. Густо доливали клеветы. До того накрутили государя, что он возвратил высокий пост Василию Вельяминову, а Босоволкова отстранил и даже приказал братьям, чтобы вообще не принимали на службу ни его, ни его детей.

А главной заботой московского правительства стала литовская угроза. Ольгерд Гедиминович настойчиво распространял свое владычество на восток. Смоленские князья сочли, что смогут избавиться от ордынской дани, если вступят в союз с Литвой. О, им охотно распахнули объятия. Но теперь Смоленск боялся, что татары отомстят. Чтобы литовцы поддержали, не бросили в беде, приходилось подлаживаться к ним, княжество попало в полную зависимость от союзников.

Поддержка и впрямь была не лишней. Ситуацией решил воспользоваться брянский князь Глеб Святославович. Помчался к хану, взялся отобрать Смоленск, а за это выпросил ярлык на него. Но в Брянске народ и без того был недоволен Глебом. А война со смолянами, присланные князю отряды татар, их грабежи и насилия подлили масла в огонь. В Брянск как раз приехал

митрополит, но люди не постеснялись его присутствием, взбунтовались и убили Глеба. Его наследники все-таки сунулись побороться за Смоленск, но вмешался Ольгерд, разметал брянские дружины, князья очутились в плену, а Брянское княжество досталось победителю.

Открыто нападать на Московское государство он остерегался. За своих данников могла вступиться Орда. А литовцы испробовали на себе ураганные набеги татарской конницы, война обернулась бы неисчислимыми убытками. Но Ольгерд не оставлял попыток ущипнуть русские земли. Пробовал осаждать Можайск – как бы желая возвратить его смоленскому князю. С Новгородом и Псковом он вел политику кнута и пряника. Манил местных бояр передаться под его владычество, обещал защиту, но и подхлестывал вторжениями и опустошительными набегами.

Литовский государь забросил удочки и в Тверь, женился на дочке склочной Настасьи Ульяне, сестре четверых князей Александровичей. Поддакивал, что владеть княжеством должны они, а не их дядя Василий Кашинский. В общем, исподволь, без большой войны, силился отрывать от Руси кусок за куском. Ольгерд, как и его отец Гедимин, вел себя достаточно мудро. В присоединенных русских областях сохранялись прежние обычаи и порядки, только князей заменяли литовцы. Православие Ольгерд не задевал.

Сам он вместе с ядром литовских воинов оставался язычником, приносил жертвы перед идолом Перкунаса в заповедных лесных капищах. Но к религиозным вопросам относился чисто прагматически. Всем сыновьям от первого брака позволил креститься. Ведь львиную долю его подданных составляли русские. Единоверцам было удобнее править ими, а другие русские легче подчинятся единоверцам. Лишь одно не давало покоя Ольгерду, митрополия в Москве. Он прекрасно осознавал силу и авторитет духовной власти. Получалось, что священники в его государстве тоже подчиняются Москве, его подданные вольно или невольно почитают центром Руси Москву. Митрополия сдерживала и тех, кто мог отделиться от Москвы.

Ох, как мечтал Ольгерд заиметь собственную митрополию! Такую, чтобы располагалась на его территории, митрополит был послушным литовскому государю – и лопнут последние скрепы, связывающие Москву, Новгород, Псков, Тверь, Рязань… Он не сидел сложа руки, обратился в Константинополь. Но патриархия не хотела ссориться с Москвой, оттуда греки получали немалые доходы. Не хотели они портить отношения и с Ордой. Ольгерду отказали. Он рассвирепел, воспринял отказ как личную обиду. Отыгрался на православных, предал мучительной казни нескольких проповедников, святых Антония, Иоанна и Евстафия Литовских. Сыновей от второй жены, тверитянки, Ольгерд стал воспитывать в язычестве, назло православным пустил в Литву католических миссионеров, взял их под покровительство.

Но эмоции улеглись, а здравый смысл подсказывал – католицизм оттолкнет русских. А тут как раз до Ольгерда дошли известия: в Болгарии учреждена своя, Тырновская патриархия. Православная! Почему не попробовать? Литовские гонцы засобирались в Тырново. Болгары обрадовались – их патриархию кто-то признал за границей! Просьбу выполнили, прислали в Киев митрополита, некоего Феодорита. Хотя хитрость не удалась. Русское духовенство не подчинилось непонятному митрополиту. Оно привыкло, что церковью руководит Константинополь, а греки разъясняли, что Тырновская патриархия – самозваная. Встревожились и в Москве. Поняли, кто зазвал Феодорита. Состарившийся митрополит Феогност снарядил посольство в Византию. Описывал достоинства св. Алексия и убеждал после своей смерти поставить на митрополию именно его.

Но все насущные заботы и планы неожиданным образом были скомканы. Издалека, из глубин Китая, подползло кошмарное бедствие. Черная смерть, чума. Разносили ее крысы, отъедались на трупах, размножались, а потом разбегались из вымерших городов. Чума путешествовала на кораблях мореплавателей, с паломниками, купеческими караванами. Разгулялась по Индии, Персии, Средней Азии. Поразила повальным мором Золотую Орду. Через черноморские порты перекинулась в Византию, Италию, страшно опустошила Испанию, Францию,

Англию, Германию, Скандинавию – в Европе легла в могилы треть населения. А потом, кружным путем, чума проникла на Русь. Заунывно зазвонили колокола и заголосили по умершим в Пскове, Новгороде, Смоленске, Чернигове. Белозерск и Глухов вымерли до последнего человека. А опустевших деревенек никто и не считал.

Жили люди, строили, добывали хлеб насущный – и в одночасье не оставалось никого. Стояли заброшенные избы, к которым невозможно было подойти от трупного смрада. Пировали в царстве смерти только крысы и воронье. В 1353 г. поветрие обрушилось и на Москву. Одним из первых скосило митрополита. Погибель не разбирала богатых и бедных, боярские хоромы и избы бедноты. Без спросу шагнула и в государев дворец. Почти в одночасье князь Семен лишился двоих сыновей, остался бездетным. А следом за ними чума ужалила государя. Он умирал в муках. С хрипами и стонами, из последних сил диктовал завещание. Старался позаботиться о супруге. Грезил о сыне – несуществующем, но вдруг родится?

Молил братьев, Ивана и Андрея, быть дружными, заботиться о его вдове. Завершил он свою духовную грамоту необычными словами: «А записывается вам слово сие для того, чтобы не престала память родителей наших и *свеча бы не угасла»*. О какой свече он думал в те минуты? О династии московских князей? О возрождении Руси? Или, уходя в смертный мрак, смотрел на путеводный огонек свечи перед ликом Спасителя над своим ложем? Нет, свеча не угасла. Но она еле теплилась. Плакала восковыми слезами среди половодья человеческих слез. Трепетала язычком пламени, готовым померкнуть под первым же порывом ветра…

Семен Иванович не знал, что его слова о свече пройдут сквозь века. Но он не знал и того, что другие его заветы – о дружбе братьев, о разделе владений между ними, не имеют смысла. Из троих сыновей Ивана Калиты чума пощадила лишь среднего, Ивана Красного. Того самого, который был женат на Александре Вельяминовой. Мор не тронул и детей Ивана, дочку Любашу и двухлетнего Дмитрия. А младший брат государя Андрей успел еще порадоваться, успел узнать, что скоро станет отцом. Хотя ребенка уже не увидел, княжич Владимир Андреевич родился сиротой. Его назовут Владимиром Храбрым, а Дмитрия – Донским, но это будет еще не скоро. Кто мог предвидеть их грядущую славу?

Престол унаследовал Иван Красный, то есть красивый. Но что значила красота в царстве смерти? Многим казалось, что настал конец света. Отказывались от всего земного, раздавали имущество, постригались в монахи. Однако убийственное поветрие обладало некими непонятными закономерностями. Выбирало сложные маршруты продвижения, исчезало так же внезапно, как приходило. Вот и по Руси пронеслось и сгинуло. Люди оглядывались, приходили в себя. Получалось, что еще не конец. Получалось – надо жить…

5. Великий князь Иван II Красный

Русь пострадала от чумы очень сильно. Было подорвано хозяйство, замерла торговля, поредели боевые дружины. Сколько хлебопашцев, мастеров, купцов, княжеских и боярских слуг упокоились в наспех вырытых могилах, а то и в своих же домах, на дорогах, если некому было похоронить? Но на людей катастрофа подействовала по-разному. Одни каялись, полнее и глубже обращались к Господу. Осознали, насколько ничтожны любые дрязги, обиды, корыстные соблазны перед лицом Вечности. Другие наоборот, спешили воспользоваться последствиями.

Тут-то и обнаружилось, насколько непрочным было единение, достигнутое Калитой и Семеном Гордым. Государь умер, Москва ослабела! Сразу зашевелились ее противники. Новгородцам досталось горюшка ничуть не меньше, чем москвичам, но «золотые пояса» проявили вдруг невиданную дипломатическую активность. Принялись пересылаться с Ольгердом, с князем Константином Суздальским, снарядили несколько посольств – в Сарай и Константинополь. Византийскому императору и патриарху повезли гору кляуз на Московскую митрополию, на покойного Феогноста, на его ближайшего помощника, святителя Алексия. Перед ханом ходатайствовали, чтобы он дал ярлык на великое княжение Владимирское не Ивану Красному, а Константину. Даже не дожидаясь, как дело решится в Орде, выгнали московских наместников.

Не забыли, как их удерживали в узде Калита и его старший сын, решили сыграть по-крупному. С суздальским князем, разумеется, договорились, какие поблажки он даст республике за поддержку. У новгородцев хватало серебра на подкуп татарских вельмож, да и Константин был правителем отнюдь не бедным, ему принадлежало плодородное Суздальское ополье, крупные торговые города на Волге – Нижний Новгород и Городец. Он имел и формальные права на престол, его дед, хоть и недолго, делил с Калитой титул великого князя. Ну а одновременно «золотые пояса» нацеливались вырваться из-под контроля митрополии, для них открывалась дорога для сближения с Литвой.

Это было слишком опасно. Все усилия по возрождению Руси грозили пойти прахом. Вместо того, чтобы восстанавливать после чумы деревни, городские промыслы, церковные и административные структуры, приходилось вступать в борьбу. Выскребали оскудевшую казну и кладовые, грузили обозы подарками. Святителю Алексию предстоял далекий путь в Византию, Ивану II поближе, в Сарай. Нет, не напрасно Семен Гордый дружил с Джанибеком, исправно собирал для него дань. Хан не видел причин менять сложившиеся порядок. Впрочем, менять его было уже не просто. Ведь система сбора дани, созданная Калитой, была завязана на Москву. Стоило ли нарушать ее? В убытках останешься. В итоге взятки Новгорода и Константина утекли впустую, Джанибек вручил ярлык Ивану Красному.

На родину он возвращался с ханским послом. Именно татарин должен был возвести его на великое княжение в древней столице, Владимире – пускай князья всегда помнят, из чьих рук они получают власть. Но выяснилось, что бедствие Москвы воодушевило не только новгородцев с суздальцами. Рязанцы уже давно косились на соседей враждебно. Сами себя накручивали злостью, что москвичи полвека назад отобрали у них Коломну. Прослышали – Новгород проталкивает в государи Константина, и приняли желаемое за действительное. Сочли, что господство Москвы уже кончилось, пришло время посчитаться. Когда Иван Красный находился в Орде, рязанские бояре возбудили своего юного князя Олега, налетели на Лопасню, московскую крепость на южном берегу Оки. Разорили ее, взяли в плен наместника, измывались над ним, пытали.

Напакостили по мелочам, на что-то большее силенок не хватило, тут же и осеклись – Иван II возвращался великим князем, по-прежнему был в чести у хана. Выходит, поспешили… Но и Красному было никак не с руки затевать войну. Его княжество не оправилось от мора, он сам

еще не утвердился у власти. А новгородцы так и не успокоились. Объявили – хан дал Москве ярлык на великое княжение, но в их городе князья избираются. Они уже выбрали Константина Суздальского, и иного князя признавать над собой не намерены.

С рязанцами Иван Иванович вступил в переговоры, даже согласился заплатить выкуп. Они вернули Лопасню, отпустили наместника и других пленных. Зато Новгород воспринял подобное миролюбие как слабость, заупрямился. Как ни трудно было, как ни досадно, а государю осталось лишь одно, стукнуть кулаком. Призвал удельных князей в поход на новгородцев. «Золотые пояса» сперва храбрились, вооружали горожан, разослали гонцов в Тверь, в Суздаль, звали поддержать их. Но куда там! Оспаривать ханское решение никто не осмелился. Константин Суздальский предпочел примириться с Красным – связал приехавших к нему делегатов и выдал москвичам. Тут уж новгородские бояре сникли. Если от них отвернулся собственный избранник, надо было покоряться. Городская верхушка «с дары многими» отправилась к государю, извинялась. Что ж, Иван Красный удовлетворился. Выговорил за непослушание, да и простил. Подчинились – вот и хорошо.

А тем временем святитель Алексий все еще сидел в Константинополе. Состояние Византии было плачевным, и, тем не менее, она цеплялась за свое влияние на Руси. Патриархия вела себя так, будто по-прежнему представляла великую и процветающую империю. Греки крайне редко и неохотно ставили русских митрополитов. За всю историю Церкви их было лишь четверо, Иларион, Ефрем, Клим Смолятич и св. Петр, да и то двоих из них русское духовенство выбирало само, вопреки патриархам. Но сейчас Византии приходилось особенно худо. Ее раздирали гражданские войны между Иоанном Кантакузином и Палеологами. Кантакузин заключил союз с турками, даже отдал дочку в гарем старого султана Орхана. Благодаря этому ему удалось победить, венчаться на царство.

Но вскоре против него выступил Иоанн Палеолог с генуэзцами и сербами. Их драки совершенно разорили царство. В столице маскировали нищету блестящей мишурой – в императорском дворце подавали глиняную посуду, покрытую позолотой. Трон и короны украшались стразами, драгоценные камни были заложены западным торгашам. Противником Кантакузина стал и патриарх Каллист, царь сместил его, назначил Филофея, но Каллист бежал, оба патриарха поливали друг друга проклятиями. Император и Филофей чувствовали себя у власти очень хлипко, крайне нуждались в деньгах. Поэтому подношения значили в Константинополе не меньше, чем в Орде.

Новгородских жалобщиков обласкали, но отделались от них пустыми словами. А Алексия продержали «на испытании» целый год. Проверяли, что за человек, не опасен ли для Византии? Выжидали решения спора в Сарае, удержит ли первенство Москва? Не обойдет ли ее другое княжество со своими претендентами? Не обошло, и Филофей наконец-то рукоположил св. Алексия в митрополиты. Расщедрился до того, что узаконил положение, уже сотню лет сложившееся на Руси, выдал официальную грамоту о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир. Алексий выхлопотал грамоту и для св. Сергия Радонежского, с патриаршим благословением его монастырю. Пустился в обратный путь с чувством выполненного долга.

Но не успел доехать домой, как настигло известие, способное ошеломить кого угодно. Как выяснилось, Ольгерд сделал очередной хитрый ход. Потерпев неудачу с болгарским митрополитом, он снова обратился в Константинополь. Убеждал, что Литва, так и быть, порвет связи с Тырновской патриархией, если греки ей все-таки поставят отдельного митрополита. Кандидата Ольгерд позаботился подобрать такого, что лучше не придумаешь, тверского боярина Романа. Одним махом двух зайцев убивал – кроме решения церковных проблем, наводил мост с Тверью. Не поскупился и на деньги, послы привезли тугие мешки с серебром и золотом. Те же самые Кантакузин с Филофеем без долгих колебаний согласились. С Москвы получили, почему бы с Литвы не получить? Опять же, кто завтра возьмет верх? Скорее Литва, чем Москва.

При переговорах с Алексием патриарх слукавил. Ни словом не обмолвился о предстоящих переменах в Церкви, но резиденцию митрополита перенес во Владимир как раз для того, чтобы Киев «освободился». Проводили святителя, и лишь после этого Романа поставили Киевским митрополитом. Понадеялись, что Алексий узнает задним числом и смирится перед фактом. Человек пожилой, недужный, что он сможет предпринять? Но греки ошиблись. Обман патриархии и разделение Русской Церкви глубоко возмутили Алексия. Он не посчитался ни со своим возрастом, ни с самочувствием. Даже не передохув с дороги, вторично выехал в Константинополь.

Взялся судиться с Романом перед лицом императора и патриарха. Тверской боярин был слишком слабеньким оппонентом для св. Алексия, а махинации византийцев выглядели не слишком красиво. Но и терять литовское серебришко им не улыбалось. Филофей заюлил и постарался выкрутиться. Признал Алексия митрополитом Владимирским и Киевским, а Романа – Литовским и Волынским, вроде как урезал его полномочия. Хотя для Ольгерда этого вполне хватало, он приобрел нужную ему митрополию.

А пока святитель путешествовал туда-сюда, великому князю ох как его не хватало! Мало было новгородцев с рязанцами, так еще и в Москве разыгралась безобразнейшая свара. Иван Красный по натуре был скромным, тихим, и тысяцкий Василий Вельяминов возомнил, что станет при нем вообще всемогущим. Государь – его шурин, кто как не он будет диктовать нужные решения? Вознаградит себя новыми пожалованиями, прибытками. Но Иван II узнал брата жены далеко не с лучшей стороны. Он был не настолько скромным и тихим, чтобы позволять сесть себе на шею. Красный имел собственные представления об истории с отставкой Алексея Босоволкова, убедился, что его оболгали. Амбиции Вельяминова он укоротил одним махом, отстранил его с поста тысяцкого и назначил Босоволкова.

Однако занимал он должность недолго. Утром 3 февраля 1356 г. его нашли на базаре убитым. Вычислить виновных не составляло труда, подозрения и улики указывали на Василия Вельяминова. А государь оказался в полной растерянности. Взять боярина под белы ручки и карать по закону? Попробуй-ка тронь, хлопот не оберешься. За Вельяминовым стоял мощный клан родни, высокопоставленные друзья, иноземные купцы, половина Москвы. А спустить на тормозах – значило расписаться в бессилии перед обнаглевшим боярином. Вопиющее преступление всколыхнуло и горожан. Москвичи забурлили. Шумели, что повторяется история Андрея Боголюбского. Что Босоволков, как и он, любил и опекал простых людей, и за это его угробили «сильные». Слишком сильные. Иван II выбрал самый осторожный вариант. Выносить сор из избы и судить родственника все же не стал. Но Василию Вельяминову прозрачно намекнули, чтобы покинул владения великого князя. Он собрал пожитки и укатил в Рязань.

Святитель Алексий возвратился, жизнь пошла своим чередом. Но расхлебывали одни хлопоты, а накатывались другие. В 1357 г. к государю пожаловали совершенно необычные послы из Орды. Вели себя на удивление вежливо, почтительно, будто забыли, что прибыли к ханскому слуге. Впрочем, они и повеление привезли необычное. Джанибек писал, что его любимой женой Тайдулой овладел тяжкий недуг, уже три года демоны мучат ее корчами и судорогами, она ослепла. До хана дошли слухи, что св. Алексий исцеляет бесноватых, и он срочно вызывал митрополита к супруге: «Мы знаем, что Небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего».

Нежданно-негаданно на святителя ложилась небывалая ответственность. Не за ханшу, а за всю Русь! Поможет Бог или не поможет, услышит или не услышит? Раньше слышал, помогал, но ведь Тайдула была не христианкой! И кто знает, по каким грехам попущена одержимость? Джанибек был милостив к Москве, его называли «добрым царем». Но люди отдавали себе отчет, что уповать на его доброту было бы опрометчиво. Пороки и замашки татарских ханов были присущи Джанибеку в полной мере. При восшествии на трон зарезал братьев, каз-

нил неугодных, посылал карателей на провинившиеся княжества. А ну как разъярится, закапризничает? Алексия провожала вся Москва, молилась за него, переживала.

Он справился. Отчитал Тайдулу, и Господь явил чудо, ханша избавилась от напасти. Радовались тоже вместе, всей Москвой славили Бога. Еще бы не радоваться! Беда не разразилась. Наоборот, натура хана взыграла от счастья, он не знал как отблагодарить святителя. А подобное отношение к митрополиту обещало самые радужные перспективы и для православной паствы, для великого князя. Джанибек будет помнить добро, платить тем же… Но кто мог подумать, что жизнь самого Джанибека уже кончается?

Хан задумал повоевать в Закавказье. Поход был удачным, он захватил Тебризское царство в Азербайджане, посадил там править сына Бердибека и с караванами награбленных сокровищ двинулся назад. До Сарая не доехал. Летописи сообщают, что в дороге он «от некоего привидения разболеся и взбесися». От какого привидения, остается лишь гадать. Может, слишком бурно праздновал победу и занемог белой горячкой, а может, ему что-нибудь подсыпали, в Орде это умели. Во всяком случае, вокруг расхворавшегося Джанибека составился заговор военачальников. Его главный полководец Товлубий и темник Мамай призвали Бердибека и научили, как надо действовать. Сын велел прикончить отца. Придавили лицо подушкой, и готово.

У Бердибека было 12 братьев от разных матерей, но и с ними церемониться не стали, перерезали одним махом вместе с семьями и приближенными. Вельможи, расчистившие хану путь к трону, внакладе не остались. Возвысились при нем, прибрали к рукам конфискованные дома, стада, пастбища. Мамай подсуетился жениться на сестре Бердибека, стал гурленем, ханским зятем. Но для того, чтобы закрепить переворот, требовалось ублажить не только ближайших помощников. С одной стороны, надо было как-то успокоить и удовлетворить простых воинов, с другой – заручиться расположением могущественных сарайских купцов.

Заговорили, что уже давненько не громили Русь. Небось, отъелась, накопила добра. Сопротивляться русские не посмеют, воины пограбят досыта, купцы получат массу пленных. Подобрать повод было не так уж трудно. Бердибек отправил «лютого посла» звать к себе князей, перечислял всевозможные их прегрешения, действительные или надуманные. Для Москвы дело оборачивалось хуже не придумаешь. Иван Красный считался ставленником Джанибека, пользовался покровителем казненных ордынских сановников. Опять надо было опустошать казну. Какие уж тут собственные нужды, задумки что-нибудь построить? Все что есть – на подарки, на взятки.

Но с великим князем отправился в Сарай митрополит, а исцеленная Тайдула была матерью Бердибека. Неужели не заступится, не замолвит слово? Она заступилась. Иван Иванович и св. Алексий еще не успели добраться до Сарая, а хан уже сменил гнев на милость, встретил их торжественно, как лучших друзей. Впрочем, нашлись умные советники, подсказали ему и другие соображения. Напомнили, что именно Москва собирает ордынскую дань. Ни Тверь, ни Суздаль не смогут обеспечить хану регулярные выплаты. А в противостоянии с Литвой Москва выступала самой надежной опорой татар. Оттолкнешь русских – куда они потянутся? Пример Смоленска и Брянска был еще свежим.

Со своей стороны Иван II и его бояре предпринимали все усилия, чтобы приспособиться к переменам в Сарае. Прежние доброжелатели погибли, надо было заводить новых. Обходили с визитами и дарами жен Бердибека, его любимцев. Но в новом ханском окружении обнаружилось вдруг знакомое лицо, изгнанник Вельяминов! Ордынские торгаши и ростовщики не забыли, какие услуги боярин оказывал им в Москве. Приютили, порекомендовали полезного человека сановникам Бердибека. Те обмолвились в разговорах с Иваном Красным, что надо бы простить их друга, вернуть на должность тысяцкого. Разве можно было отказать?

Хотя в целом поездка удалась как нельзя лучше. Грозу пронесло, тучи рассеялись. Хан сохранил за Москвой великое княжение, подтвердил привилегии Церкви. Народ опять радо-

вался, чествовал возвращение государя и митрополита, живых и невредимых. На время своего отсутствия Иван Красный оставил править сына Дмитрия – оставил чисто номинально, княжич был еще малышом. Бояре, руководившие страной от имени Дмитрия, научили его произнести первую в жизни публичную речь. Мальчик со слезами на глазах славил св. Алексия: «О владыко, ты даровал нам житие мирное!..»

Но как же трудно было его оберегать, мирное житие! Смерть Джанибека пробудила активность рязанцев. Они, по своему обыкновению, опять увлеклись, размечтались: теперь-то Москва наверняка лишится ханского благоволения. Олег Рязанский додумался искать собственных друзей в Орде, зазвал в гости царевича Мамат-ходжу, приплатил, и царевич прислал Ивану Ивановичу высокомерное письмо. Дескать, он, Мамат-ходжа, намеревается разобрать споры двух княжеств и установить между ними истинную границу. Но великий князь не позволил запугать себя, твердо ответил, что московско-рязанские границы хорошо известны. Царевича ткнул носом в ханские грамоты и запретил появляться в своих владениях.

А в Суздале умер бывший соперник, Константин. Княжество досталось трем его сыновьям, Андрею, Дмитрию-Фоме и Борису. Но и они вздумали поиграть в дипломатию. Заслали сватов не куда-нибудь, а в Литву, просили Ольгерда выдать за Бориса дочь. Завязывался альянс, достаточно неприятный для Москвы. Дети Константина теперь могли рассчитывать на помощь тестя в каких-то будущих честолюбивых планах. Иван Красный и святитель Алексий решили подстраховаться, тоже вступили с Ольгердом в переговоры, предлагали закрепить мирные отношения брачными узами. О, литовский государь готов был заключать любые договоры. Дочка Ивана II Люба еще и в зрелость не вошла, вытянулась тоненькой угловатой отроковицей, но в политических браках возраст не играл особой роли. Любашу проводили в чужую страну, повенчали с племянником Ольгерда.

Но… властитель Литвы далеко не всегда придавал значение родственным связям и договорам. Вспоминал о них лишь в тех случаях, когда это соответствовало его планам. Он взялся поддерживать не московских, а других родственников. Сыновья Настасьи Тверской во главе с Всеволодом Холмским все более сурово грызлись с дядей, Василием Кашинским, требовали переделить города и земли. Ольгерд влез в их раздоры, подстрекал братьев своей жены быть смелее. Тверское княжество вот-вот могло расколоться войной, и нетрудно было предвидеть вмешательство литовцев… Иван II и митрополит забили тревогу.

Св. Алексий вызвал во Владимир Василия Кашинского и Всеволода Холмского, взывал к совести, уговаривал полюбовно уладить разногласия. Не тут-то было. «Много было меж ими глаголанья, но конечный мир и любовь не сотворися». Дядю поддерживали Иван Красный и сам митрополит. Но за племянником стоял Ольгерд, и он категорически отказывался уступать. Даже авторитет святителя на него не действовал, увещевания Алексия Всеволод ставил ни во что. Вот тут-то сказалось, насколько полезно для Литвы церковное разделение. Имело ли смысл слушаться митрополита, если существовал второй, причем свой же, тверской боярин?

Всеволод настолько распалился, что задумал вообще отобрать Тверь у Василия. Откопал старый ярлык, выданный по ошибке Джанибеком, поехал кляузничать к хану. И на дядю, и на Ивана Красного со св. Алексием, за то, что приняли сторону дяди. В Москве узнали, великий князь распорядился не пропускать ябедника. Нет, вздорный князь проехал кружным путем, через Литву. Но в Сарай он попал на свою голову. Ивана II и митрополита после их визита хан зауважал, видел в них верных и достойных слуг, а связи Всеволода с Ольгердом выглядели подозрительными. Его поведение Бердибек расценил как неповиновение старшим и выдал князя дяде, отослал под стражей в Тверь.

Однако и Ольгерд ответил на случившееся открытой враждой. Св. Алексий отправился в Киев окормлять южную паству, а его там схватили и упрятали в темницу. Вот вам, москвичи, Киевская митрополия! Знайте, как задевать наших ставленников! Литовские отряды вторглись на тверскую территорию, заняли Ржев. Василий Кашинский поднял войска, в помощь ему

Иван Красный послал можайский полк. Незваных гостей вышлибли. Но через некоторое время Ржева снова оказалась в литовских руках.

Хотя с теми князьями, кто передался под покровительство Литвы, Ольгерд заигрывал лишь до поры до времени. Союз был промежуточным этапом, а конечным – полное завоевание. Уж на что старались дружить с литовцами смоленские правители. Но пришло время, и литовский государь прикинул: они остались в одиночестве, на помощь Орды рассчитывать не могут. Напал без всяких видимых причин, отнял Мстиславль, Белую, подступал к Смоленску. Крепость была сильной, князь Святослав Иванович кое-как отбился. Но деваться ему и впрямь было некуда. Просил о мире, проглотил продиктованные ему условия.

Обстановка на границах становилась все более тревожной, и в такой момент великий князь Иван Иванович разболелся. Ему было всего 33 года, но диагнозов в те времена не ставили, а лечить умели далеко не все недуги. Государь угасал. Успел составить завещание. Распределил между наследниками фамильные драгоценности. Их было так мало! Самый сильный и богатый властитель на Руси поштучно расписывал несколько золотых поясов, сабель, цепей. Золотых сережек с жемчугом была одна пара, ее отец честно разделил – каждому из двух сыновей завещал по серьге.

Москву поделил поровну, чтобы была общим достоянием. Из прочих земель и городов старшему определил больше, чтобы младшие повиновались. Завершил традиционным пояснением – если у наследников прибавятся земли, пусть разделят по справедливости. А если Орда отберет часть земель, надо покорно и по справедливости переделить оставшееся. 19 ноября 1359 г. Иван II отошел в мир иной. За гробом шли бояре, священники и трое князей. Сыновья Красного, Дмитрий с Иваном, и племянник Владимир Андреевич. Преемником отца был Дмитрий. Ему исполнилось 8 лет. Его брату – 5, двоюродному брату – 6. На их плечи отныне ложилась судьба Русского государства…

6. Как в Орде началась замятия

Ночь бывает особенно темной и пугающей перед рассветом. Мрак как бы сгущается, становится ощутимым. Предутренний холод пронимает до костей. Наползает туман, искажает предметы. В шорохах, криках зверей и птиц, колыхании теней, чудится угроза. Кажется, что оттуда, из черных глубин надвигается неясное зло, что оно уже торжествует… На Руси наступал рассвет. Но она еще не знала об этом, она жила как привыкла, по ночным правилам и представлениям.

Люди понимали – князя на Москве по сути не стало. Есть ребенок, которому еще расти и расти. Сидит с серьезным личиком с боярами, силясь понять, что они обсуждают. Его учат, подсказывают, почему ту или иную грамоту надо скрепить княжеской печатью. А кто учит, кто подсказывает? Со времен Калиты главными помощниками московских государей были митрополиты, но св. Алексий все еще томился в киевском застенке. На роль регента выдвинулся не кто иной как Василий Вельяминов, дядя Дмитрия. О, сейчас он развернулся в полную силу. Казна была в его распоряжении, на ключевые посты можно было назначить своих людей, и какое решение примут бояре, если Вельяминов будет против?

Быстро сориентировался Ольгерд. Литовские набеги посыпались на Тверское княжество. Помощи оно не получило, Вельяминов не счел нужным тратиться на походы, ссориться с Литвой. Зато в Тверь пожаловал митрополит Роман. Местный епископ не признал его, отказался даже встретиться. Но Роману было на это плевать – его признал князь Всеволод Холмский. А литовский митрополит за это по-своему рассудил племянника с дядей. Разумеется, рассудил не так, как св. Алексий. Предъявил Василию Кашинскому ультиматум: отдать Всеволоду треть владений. Как тут возразишь? Пришлось согласиться. Изрядный кусок княжества явно уходил под Литву. Роман мог бы запросить и больше, но Ольгерд предпочитал действовать постепенно. Все-таки не рисковал злить Орду. За целое княжество хан кинется воевать, а если потихоньку, может, и не раскачается.

Но в это же время произошла новая встряска в Сарае. Отцеубийство и захват трона Бердибеком понравились далеко не всем татарам. Недовольных возглавил Кульпа, один из родственников хана – в прошлом перевороте его то ли забыли, то ли не сумели зарезать. Подкараулил подходящий случай, прикончил Бердибека и уселся на его место. По свидетельствам современников, он «много зла сотвори». Переказнил всех, кого считал врагами, сторонники Кульпы разбуянились, убивали, грабили что могли. Ну а русским князьям в подобных случаях требовалось бросать все дела, ехать к новому царю, ублажать подарками, чтобы получить новые ярлыки.

Нарушать обычай никто не осмелился. Засобирались на поклон. Но большинство князей опоздало. Кульпа властвовал всего шесть месяцев, и «много зла» было единственным, что он успел натворить. Его отправил на тот свет Науруз. Орда уже больше ста лет сосала соки из соседних стран, распространяла вокруг себя ужас. Но зло, как и добро, не исчезает бесследно. Оно возвращается к своим истокам, накапливается. Господство над народами избаловало и разлагало татар. Теперь отвратительные фонтаны гноя плеснули наружу, разрывая саму Орду. Начиналось то, что русские летописцы окрестили «великой замятней». Если кто-то саблей, ножом или ядом проложил путь на царство, почему нельзя другим? Если кто-то поддержал нового хана и крепко поживился, другим тоже хочется…

Князья, ехавшие к Кульпе, должны были вручать подарки Наурузу. Должны были тщательно скрывать свое удивление, точнее – вообще ничему не удивляться. Улыбаться и унижаться как ни в чем не бывало, раскланиваться с новыми царедворцами, делать вид, будто они рассчитывали увидеть в Сарае именно Науруза и никого иного… Подневольная жизнь и традиции Орды приучили, что вести себя надо только так. Как же можно иначе?

Но из ордынских традиций научились извлекать и выгоду. Новгородцы задумали повторить старый план, пропихнуть в великие князья кого-нибудь из сыновей Константина Суздальского. Они делили отцовское княжество. Старший, Андрей, правил в Нижнем Новгороде, Дмитрий-Фома – в Суздале, Борис – в Городце. Тихий и благочестивый Андрей наотрез отказался от предложения «золотых поясов», в Сарае он просил лишь подтвердить ярлык на собственный удел. Но Дмитрий-Фома азартно загорелся попытать удачи. Имелся весомый аргумент – у московского Дмитрия до великого княжения еще нос не дорос. Хотя новгородцы и их кандидат позаботились об аргументах не менее весомых, привезли немеренное количество денег и рухляди, «вдаде многие дары хану и ханше, и князем ордынским».

А корыстолюбивый Вельяминов поскупился. Не исключено, что он попросту погрел руки на ценностях, предназначенных для хана. Такое за боярином случалось. Но он рассчитывал, что много платить и незачем, великое княжение без того останется за Москвой, надеялся на поддержку давних сарайских друзей. Однако его друзей на месте не оказалось. Кому-то перерезали глотки в сумятице переворотов, толстосумы позапирали дома и лавки, подались на время подальше от опасной столицы – в Хорезм, Тану, Кафу. О том, почему предшествующие ханы опирались на Москву, Науруз и его сообщники не задумывались. Они дорвались до царства и хотели сразу же получить побольше. От кого получили, тому и дали ярлык на великое княжение, Дмитрию-Фоме.

Насколько же задрал нос суздальский властитель! Стараясь подчеркнуть свое положение, он даже переехал в запустевший Владимир. Впервые за сто лет великий князь поселился в древней столице, показывал всем, что истинное сердце Руси – Суздаль и Владимир, а не какая-то Москва. А тут как раз возвратился митрополит. Три года его продержали в тюрьме, но возмущалось духовенство, протестовал Константинополь. Ольгерд тоже хотел воспользоваться ордынской замятней, взяться за Русь решительнее. Прослыть святотатцем ему было ни к чему, и св. Алексия отпустили.

Дмитрий-Фома очень порадовался этому. Его коронация пройдет как положено, татарский посол возведет его на престол, митрополит благословит. Конечно, святитель переберется в свою официальную резиденцию, во Владимир. Будет, как и раньше, находиться рука об руку с государем. Что ж, св. Алексий не противился, благословил его. Ярлык был выдан царем, а царь – власть от Бога. Но… церемония прошла бледненько. Большинство князей на нее вообще не явились. А митрополит выразил и свое личное отношение к притязаниям Дмитрия-Фомы. Отслужив на коронации, сразу покинул Владимир, удалился в Москву.

Суздальский князь не понимал, что происходит? Он получил ярлык вполне законно, по ордынскому праву, но очутился почти в изоляции. Его осуждали, летописцы указывали, что он занял престол «не по отчине, не по дедине». А дело было в том, что на Руси почиталось не формальное юридическое право, куда выше ставилась правда. Дмитрий-Фома взял верх по праву, но не по правде. Он и хан Науруз легкомысленно сломали порядок, сложившийся вокруг Москвы. А люди успели осознать и ощутить правду этого порядка. Не желали отказываться от нее.

За поддержание московской правды взялся митрополит Алексий. Его появление в Кремле порадовало отнюдь не всех. Но святитель обосновался здесь прочно, переселяться не намеревался. Мальчика Дмитрия он взял под личную опеку, стал воспитывать, обучать княжеской премудрости. Занялся государственными делами, а опыта у него хватало. Спорить со святителем было затруднительно, Вельяминову волей-неволей пришлось потесниться, св. Алексий фактически возглавил правительство.

Но у татар порядок рушился куда круче, чем на Руси. На востоке, за Уралом, раскинулись владения родственников сарайских ханов, Синяя и Белая Орды. Батый в свое время обделил их. Золотая Орда купалась в богатствах, торговала, блистала разросшимися городами. В аральских и сибирских степях таких источников доходов не имелось. Здешние татары даже ислам

еще не приняли, многие оставались язычниками. Жили кочевым скотоводством, брали дань с таежных племен, совершали набеги на Среднюю Азию. Сарайским сородичам завидовали, но и презирали. Считали, что они изнежились и обабились, погрязли в городских удовольствиях и гаремах, преступили заветы великого Чингисхана.

Конечно, Золотая Орда была сильнее, но смуты расшатали ее. В Сарай нагрянул царевич Синей Орды Хидырь со свирепыми восточными степняками. В дикой резне сгинули Науруз с сыном, их царедворцы, жены, наложницы. Кого походя полосовали ножами, кого запихивали в мешки и скидывали в Ахтубу кормить рыбу. Вместе с прочими обитательницами гаремов нашла смерть покровительница св. Алексия Тайдула. Мечети и дома распахнулись выбитыми дверями. Хлюпая сапогами по лужам крови и откидывая пинками трупы, захватчики жадно срывали ковры, взламывали сундуки. Но… трон освободился! А попробовать, как сладко жилось убитым хозяевам, было так соблазнительно! Хидырь въехал в разоренный дворец, его воины занимали оскверненные дома. Сгоняли жителей ремонтировать разрушения, заполняли гаремы недорезанными девушками.

Впрочем, и русские очутились тут как тут. Пример Дмитрия-Фомы и новгородцев, как можно использовать татарские перевороты, вдохновил других желающих. Обнищавшего ростовского князя Константина Калита пригрел, женил на собственной дочери, защищал от соперников. Но он втайне дулся: почему владеет не всем Ростовом, а только половиной, почему должен подчиняться Москве? За заволжский Галич Калита в свое время заплатил дань, спас княжество от ордынских карателей. Тем не менее, здешний князь Дмитрий тоже копил обиды – почему его выкупленные земли перешли под власть Москвы? Как только услышали, что в Сарае сменился царь, Константин и Дмитрий помчались к нему. Хидырь в русских делах не разбирался, деньгами был не избалован, брал недорого. Князья просили, вроде бы, законную собственность, Ростовское и Галичское княжества, хан запросто дал им ярлыки.

Великий князь Дмитрий-Фома против растаскивания государства не возражал. Ему-то что? Не у него отбирают, а у москвичей. Перед Хидырем он постарался выслужиться. В 1360 г. набезобразничали новгородские ушкуйники, пробрались северными реками в Камскую Болгарию, внезапно налетели и разорили второй по величине город Жукотин. Болгары разъярились. Набросились на русских купцов, невольников, ремесленников, находившихся в их стране, перебили тысячи невиновных. А хан по болгарской жалобе приказал Дмитрию-Фоме сыскать разбойников.

Тот взялся за поручение основательно. Вместо того, чтобы выслать в Новгород крепкую дружину, созвал в Костроме княжеский съезд. Очередной раз силился показать, что он отныне главный. Но со съездом сел в лужу. К нему прибыли лишь братья да Константин Ростовский с Дмитрием Галицким – москвичам напакостили, теперь жались к Суздалю. Остальные удельные князья приглашение проигнорировали. Правда, новгородцы не подставили под удар собственного ставленника, выдали ушкуйников – не всех, а хотя бы мелочь, чтоб великий князь смог отчитаться.

Но пока их везли на суд в Орду, там уже все перетряхнулось. Сокровища Сарая ослепили сына Хидыря, Темир-ходжу. Он умертвил отца, решил сам попользоваться захваченным царством. Хотя пользовался лишь 6 дней. Синеордынцы сцепились друг с другом, а в погромах уцелел темник Мамай. Поднял против пришельцев местных татар и отправил Темир-ходжу вслед за отцом. Но и сам не удержался. Его выступление сплотило синеордынцев, брат Хидыря Амурат призвал из-за Урала свежие силы и выбил Мамая из Сарая.

А между тем, московское правительство выжидало, присматривалось. При победе Амурата прочие князья не стали спешить к нему, больно уж шаткой выглядела его власть. Но св. Алексий и кремлевские бояре учли как раз то, что положение хана крайне ненадежное, он будет рад любому, кто его признает. Их послы появились в Сарае раньше всех. Жаловались Амурату на давнего его врага, убитого Науруза, на прежних вельмож – дескать, проходимцы,

продали ярлык за мзду. Царю это, конечно, понравилось. Он и сам был аналогичного мнения о прогнившей Золотой Орде. Решил показать, что он-то будет править иначе! Демонстративно поиграл в беспристрастность. Велел держать московского и суздальского послов под охраной, чтобы они не подкупали придворных (точнее, чтобы деньги не утекли мимо ханской казны). А потом рассудил: великое княжение принадлежит Дмитрию Московскому. Его возраст – не порок. Пока подрастет, у него имеются советники. Причем советники уже доказали, насколько они мудрые – ведь догадались обратиться к Амурату.

Хотя авторитет нового хана оставался крайне низким. Даже Дмитрий-Фома его не испугался. Когда в Москву прибыл посол Амурата, возводить Дмитрия на великое княжение, суздальский государь отказался уступать. Направил дружину в Переславль, перекрыл дорогу на стольный Владимир. Однако св. Алексий и его правительство предвидели подобные препятствия. Ханский ярлык был у них, а дальше москвичи и сами справились. Поскакали, запылили по дорогам гонцы, собирая рать. Это был первый военный поход двенадцатилетнего Дмитрия. Рядом с ним, на конях и в доспехах, ехали младшие братики Иван и Владимир. Но под знаменами мальчиков-князей распоряжались взрослые командиры, гарцевали на лошадях и маршировали в колоннах взрослые бородатые ратники, и копья у них были совсем не игрушечные.

Дмитрий-Фома не ожидал, что соперники решатся применить силу. Не ожидал и того, что у них такая многочисленная армия. Кичился – он во Владимире сидит! А сейчас на жиденькие суздальские дружины надвигались москвичи, коломенцы, можайцы, звенигородцы. Присоединялись удельные князья – те самые, кто не явился на коронацию Дмитрия-Фомы и на его съезд. На жителей великокняжеского Владимира надеяться не приходилось. Они явно симпатизировали московскому государю.

Дмитрий-Фома прикинул соотношение войск, и сражаться ему не захотелось. Спокойно отступить, и то показалось опасным. Он бежал. Проскакал без остановки через Владимир, укрылся в родном Суздале. Но его никто не тронул. Ушел в свой удел, вот и спасибо. Дмитрий Иванович с полками остановился во Владимире. Летом 1362 г. он был провозглашен великим князем всея Руси. И у мальчишки коронация получилась куда более представительной, чем у предшественника. Важный татарин зачитал ханскую грамоту, св. Алексий служил в Успенском соборе, препоясал отрока тяжелым мечом. Собравшиеся князья как были, в походном облачении, целовали крест служить ему. Поздравляли друг друга, будто одолели не такого же мелкого князя, как они сами, а могучего внешнего супостата. Впрочем, эта победа была не менее важной. Они одержали верх над эгоизмом, над собственным разобщением.

7. Св. Благоверный Великий князь Дмитрий Донской

Кремль, построенный Калитой, никогда не бывал в сражениях, но через четверть века выглядел так, будто выдержал серьезную осаду. Известь, покрывавшая стены и башни, обваливалась, из-под нее проглядывала деревянная основа. Она пострадала при пожарах, там и тут была покрыта заплатками. Кое-где бревна разошлись, наружу вываливались камни и земля, которыми были забутованы срубы. Но люди привыкли к своей крепости. Забивали щели бревнами, подмазывали штукатуркой. Какая ни есть, а защита, главное убежище в опасности.

В общем-то, и городом считалось то, что находилось внутри Кремля. Храмы, причудливые резные узоры дворцов, теремов, дворы монастырей. Густо лепились дома и дворики поменьше, победнее, втискивались между центральными площадями и обводами стен. Но Москве было уже тесно в крепости. Она выплеснулась в разные стороны посадами, слободами – там и строиться можно было просторнее, и садик разбить пошире да поцветистее, там звенели наковальни кузнецов, крутились гончарные круги, постукивали ткацкие станки.

Покосившиеся громады кремлевских укреплений и посадские улочки спускались к прохладной ряби Москвы-реки. Здесь всегда было людно. Москвички полоскали белье, судачили с подругами. В сторонке дымили бани. Между крепостью и рекой раскинулся базар – тут уж у любого глаза разбегались. Выбирай, чего душеньке угодно. Мечи из лучшего булата, доспехи, заморские ткани, украшения хотя бы и княжне впору. А хлеба, крупы, овощей, фруктов, рыбы столько, что кажется, целому городу за год не съесть.

У пристаней колыхались десятки судов. Москва стояла на перекрестке. Если плыть по Яузе, попадешь к Мытищинскому волоку, таможенники проверят товары (мыт – как раз и означало пошлину), а местные мужики подработают, перетащат ладью на Клязьму – и отправляйся по ней к Владимиру или еще дальше: на Оку, Волгу, в Камскую Болгарию, Сарай. На Оку и Волгу можно было попасть другой дорогой, спуститься по Москве-реке к Коломне. А если свернуть с Оки на Проню, через волок суда выходили на Дон. Плыли к Азовскому морю, крымским берегам, в шумные венецианские и генуэзские колонии.

По Москве-реке открывалась и дорога к верховьям, к Можайску. Оттуда через притоки и волоки выводила на Днепр к Смоленску, на Верхнюю Волгу, к Твери. Хочешь – к Киеву плыви, хочешь – перебирайся на Волхов, к Новгороду. А на московском торжище среди русских рубах, сарафанов, платков, мелькали чужеземцы. Немец-суконник в мешковатом камзоле, береты и кургузые штанишки итальянцев, халаты бухарцев, хорезмийцев, белокурые литовцы с племенными татуировками, ордынские евреи с завитыми бородами и золотыми обручами на головах.

Но вот среди пестрой толпы прокатывалось, словно порыв ветра: великий князь! Сгибались в почтительном поклоне спины смердов и посадских, блестели любопытством глазки женщин, из-за спин лезли босоногие ребятишки, рассмотреть получше. Хотя картина была знакомой, ее видели чуть ли не каждый день. Стучали копыта по деревянному настилу улиц, в седле сидел худощавый мальчик с открытым светлым лицом, его сопровождали двое-трое дружинников. Он отвечал на приветствия, город был не таким уж большим, юный князь помнил многих подданных. Иноземцы тоже кланялись по обязанности, властитель есть властитель. О том, как и почему склонят головы позже, они еще не подозревали…

Обстановка вокруг Руси резко менялась. Амурат удержался в Сарае, но татарские эмиры и мурзы не признавали его, разбредались с толпами воинов, с семьями, отхватывали независимые области. Появились самозванцы, выдающие себя за детей погибших царей. Держава развалилась. Отпали Камская Болгария, Мордовия, Хорезм. А уж кто в полной мере порадовался переменам, так это Литва. Равновесие в Восточной Европе сломалось, татарские войска рубились друг с другом. Значит, можно было не оглядываться на ханов. Послам германского импе-

ратора Ольгерд откровенно заявил: «Вся Русь должна принадлежать Литве» и даже потребовал, чтобы крестоносцы Ливонского ордена отказались от «права на русских».

Три татарские орды откочевали на правый берег Днепра, расположились в степях Буга и Поднестровья, рассылали баскаков по здешним городам. Но в 1363 г. Ольгерд двинул на них литовскую армию. На Синих Водах сокрушил ордынцев, присоединил Подолию. Прошел до самого Крыма, с налета взял древний Херсонес. Закрепляться тут литовский государь не собирался – слишком далеко. Он лишь наградил себя и воинов сказочной добычей. Литовцы славили Ольгерда, набивая мешки драгоценностями, связывая перепуганных горожан. Ободрали греческие храмы, нагрузили обозы утварью, окладами книг и икон, золочеными крестами. А потом Ольгерд с воинством нагрянул в Чернигов. Это было поближе, чем Крым, это можно было захватить насовсем. Литовские границы передвинулись за Днепр, на Левобережье.

Византийцы давно уже отдали Херсонес генуэзцам, набег обернулся для них серьезными убытками. Торговая республика озаботилась. Раньше генуэзские и венецианские города подчинялись Золотой Орде. Подносили ханам подарки, приплачивали пошлины, взамен получали надежную защиту. А теперь? Но друг у них нашелся. От Амурата и его синеордынцев отступил на западный берег Волги темник Мамай. Он не принадлежал к потомству Чингисхана, и по татарским законам, не мог претендовать на титул хана. Зато у Мамая были воины, авторитет, голова на плечах. Он подобрал одного из многочисленных царевичей, Авдулу, провозгласил его ханом. Стал руководить от лица марионетки, и татары потянулись к нему.

В генуэзской «Хазарии» нашли пристанище давние приятели Мамая, сарайские купцы. Без труда сумели договориться. Рядом с Кафой торговал венецианский порт Сугдея (Судак). Конкурировал, мешал. Мамай подсобил, выделил отряды, и генуэзцы овладели Сугдеей. Ни о каком подданстве больше речь не шла, темник со своим ханом Авдулой подарил «Хазарии» полную независимость. За это купцы поддержали их, давали деньги. Мамай получил явное преимущество перед другими татарскими вождями – пленных-то продавали через черноморские порты. Чтобы сбывать «ясырь», надо было подчиниться Мамаю. Он стал хозяином территорий между Днепром и Волгой.

А Москву немало удивил неожиданный визит. Минуло лишь несколько месяцев, как посол Амурата короновал Дмитрия великим князем, и вдруг сообщили – во Владимире государя ожидает еще один татарский посол. Тоже жаждет вручить ему ярлык на великое княжение! Вскоре разобрались, второй посол был от Мамая и Авдулы. Ничего удивительного на самом деле не произошло. Прислав ярлык, Мамай приглашал русских – ориентируйтесь не на Амурата, а на меня. Что ж, митрополит и бояре взвесили со всех сторон. В распоряжении сарайского хана остались лишь заволжские и уральские степи. Мамаева орда была ближе, опаснее. Но она была способна и оказать помощь – против литовцев, прочих татарских ханов. Никаких причин для любви к Амурату у москвичей не имелось. Не кум, не сват, за великое княжение содрал немалую сумму. Правительство сделало выбор, приняло второй ярлык.

Но тут же возбудился суздальский Дмитрий-Фома. Увидел шанс обставить соперников. Прежде отказывался выполнять решение сарайского хана, а сейчас вдруг превратился в вернейшего его сторонника. К Амурату помчалась ябеда – Москва изменила, передалась твоему врагу! Хан взбеленился и, недолго думая, переиначил приговор. В награду за донос послал ярлык суздальскому князю. Дмитрий-Фома торжествовал. Вон как щелкнул по носу московскому несмышленышу! Будет знать, с кем тягаться! Не стал терять времени, мгновенно въехал во Владимир. Правда, не забыл и полученного урока, поспешил воспользоваться правами государя, кликнул к себе удельных князей с дружинами.

Однако его триумф обернулся позорнейшей осечкой. На призыв отозвались лишь те, кому единение Руси встало поперек горла – Константин Ростовский, Дмитрий Галичский и Иван Стародубский. А раздуть усобицу Москва не позволила. Ратники Дмитрия Ивановича исполчились так быстро, что противники не успели собраться. Даже договориться между собой

не успели! Дмитрий-Фома величался на престоле всего 12 дней, а к Владимиру уже приближалась московская армия. С Амурата взять было нечего, кроме ярлыков. Чем он мог поддержать своего ставленника? Оставалось повторить недавний и невеселый опыт, удирать. Незадачливый суздальский князь упорхнул в родовой удел. Но московское правительство не желало повторять старый сценарий. Если честолюбивый претендент один раз не образумился, его надо было вразумить покрепче.

Войско не остановилось во Владимире, повернуло на Суздаль. На штурм не лезло, осадных орудий не строило. Зачем губить русские жизни и город? Просто окружило Суздаль и принялось разорять окрестности. Это был общепризнанный способ феодальной войны, не слишком деликатный, но эффективный. Дмитрий-Фома и его бояре схватились за головы, им со стен хорошо было видно, как перетряхивают их деревни. Выручки ждать было неоткуда, даже родной брат князя Андрей Нижегородский осуждал авантюру. Укоризненно написал: «Брате милый, не рек ли я ти, яко не добро татарам верити и на чужая наскакати?…» Миролюбивый Андрей все-таки заступился за Суздальскую землю, просил великого князя пощадить ее.

О том же задумались осажденные. Суздальским боярам абсолютно не улыбалось остаться нищими, и они нажимали на своего господина: надо сдаваться. Но тринадцатилетний Дмитрий первым из московских властителей проявил себя Грозным. Ясное дело, нужную линию поведения ему подсказал св. Алексий. Уж он-то, путешествуя по Руси, насмотрелся раздоров. Искоренять их требовалось решительно. Дмитрия-Фому наказали, выслали из Суздаля в Нижний Новгород под надзор к благоразумному брату. Московские отряды поскакали к его союзникам. Всех лишили уделов как мятежников, Дмитрия Галичского и Ивана Стародубского отправили туда же, в Нижний, Константина Ростовского сослали в Устюг.

Впрочем, наказали ненадолго, для отстрастки. Предупредили, чтобы впредь было неповадно. Москва выиграла, мстить было незачем – полезнее налаживать взаимопонимание. С подчинением Мамаю, как выяснилось, угадали. Амурат недолго усидел в ханском дворце, на смену ему вынырнул некий Азиз. Но спокойствие и благополучие в те времена были недостижимой мечтой. В 1364 г. на Русь нагрянуло уже испытанное, но от этого не менее жуткое бедствие. Чума.

На этот раз она не искала окольных путей, приползла с востока с азиатскими купцами. Обнаружилась на рынках Нижнего Новгорода, перекинулась в Коломну, Рязань, Тверь, Смоленск. Собирала обильные жертвы по Москве, Владимиру, Ростову, Переславлю. Нынешний мор оказался изощренным, обманчивым. Он прекращался, и люди облегченно вздыхали, служили благодарственные молебны. Но поветрие накатывалось второй, третьей волной. Сколько жизней оно оборвало, никто не считал. Известно лишь, как поредели княжеские кланы. Не стало Андрея Нижегородского. Легли в могилы защитник Пскова Евстафий Изборский и его дети. Преставился Константин Ростовский с супругой. В Твери упокоились вдовствующая княгиня Настасья, три ее сына, их двоюродный брат Семен. Московский великий князь Дмитрий потерял мать и брата Ивана…

Первыми детскими впечатлениями государя были похоронный плач и траур, в юные годы все повторялось. Но удары не надломили его душу. Наоборот, выковывали характер. Разве Господь не показывал воочию, насколько суетны интриги и корысти? Года не прошло, как князь Константин бунтовал, мечтал урвать в собственность Ростовский удел. Нужен ли сейчас этот удел усопшему? А как грызлись с родственниками Настасья Тверская и Всеволод Холмский? Но смерть смахнула одним махом Настасью, Всеволода, двух его братьев. Что толку было в их ненависти, хитростях, подсиживаниях?…

Князь вырос очень набожным. Он ежедневно бывал в храме у обедни, не пропускал никогда. В посты каждую неделю причащался Св. Таин. Под княжеским платьем, на голом теле, носил грубую монашескую власяницу. Уж кто из княжеских и боярских детей не разохотился попробовать себя с податливой девкой-холопкой? Это не считалось серьезным грехом,

духовники юношей понимали, играет кровь да любопытство. А Дмитрий даже во взрослых летах поражал окружающих чистейшим целомудрием, почти девичьей стыдливостью. Но он был великим князем, и св. Алексий учил, что для него недостаточно угождать Господу обычными человеческими добродетелями. Он обязан блюсти вверенную ему Богом землю. За каждый шаг государю предстоит ответить перед престолом Всевышнего. Смотри – где польза, а где вред, что допустимо, а что нет, где карать, а где миловать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.